

В. Е. ЛАРИЧЕВ

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

ДРЕВНИХ

КУЛЬТУР

АЗИИ

ИРКУТСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

—◆—
ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ РСФСР
(ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)

НАШИ ЗЕМЛЯКИ

I
ВЫПУСК

*Под общей редакцией доктора исторических наук профессора
В. И. ДУЛОВА*

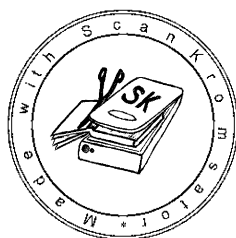
Иркутск 1958

ИРКУТСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ РСФСР
(ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)

В. Е. ЛАРИЧЕВ

А. П. ОКЛАДНИКОВ—
исследователь древних культур
Азии

(к 50-летию со дня рождения)

Scan AAW

Ларичев Виталий Епифанович
А. П. Окладников — исследователь древних культур Азии.

Ответственный за издание — А. Д. Фатьянов

Обложка худ. Лепина.

А. П. Окладников

Сибирь и в частности наш Иркутский край рождали сильных духом, отважных, энергичных и талантливых людей. Среди наших земляков-иркутян было и есть немало выдающихся производителей, тружеников колхозного села, инженеров, ученых, художников. Их жизнь и творчество заслуживают изучения, их трудовой опыт и достижения могут быть образцом и примером для других, в особенности для нашей молодежи.

С целью популяризации их деятельности Иркутский краеведческий музей и Общество по распространению политических и научных знаний решили начать публикацию отдельных биографических очерков, посвященных нашим выдающимся землякам.

В этом очерке рассказывается о жизни и научной деятельности Алексея Павловича Окладникова, профессора, доктора исторических наук, лауреата Сталинской премии, заслуженного деятеля науки РСФСР и Якутской АССР.

Один из крупнейших и широко известных историков—археологов нашей страны, А. П. Окладников начал свою научную деятельность в Иркутске в 1925 году и непрерывно продолжает работать с тех пор над изучением прошлого нашего края. В настоящее время он работает заведующим сектором палеолита института истории материальной культуры Академии наук СССР в Ленинграде.

Очерк написан одним из его учеников В. Е. Ларичевым.

Нужно сказать, что это необычная биография. Автор очерка стремился построить его таким образом, чтобы центром тяжести в нем было самое существо научной деятельности исследователя—результаты его многочисленных экспедиций, его идеи и концепции. И нужно ду-

мать, что он поступил правильно. Такой очерк глубже освещает творческий путь исследователя, чем простая биографическая справка. Он несомненно будет полезен и интересен широкому читателю.

Иркутск давно уже стал крупным центром научной мысли и научных исследований Восточной Сибири. Деятельность иркутских ученых помимо исследований Иркутска, долины Ангары и Байкала с самого начала разветвлялась очень широко. Она охватывала Енисей, Якутию, Забайкалье и Амур. Знаменитый геолог и путешественник В. А. Обручев начинал свою деятельность в Иркутске. Имена И. Д. Черского, Р. Маака, А. П. Щапова, крупнейшего русского историка своего времени, также связаны с Иркутском.

В Иркутске работали историки Сибири Н. Н. Козьмин и В. И. Огородников, автор первого сводного курса истории Сибири, в котором впервые были учтены и результаты археологических раскопок.

Видное место в этих исследованиях всегда занимала археология. Широкую известность приобрели работы Н. И. Витковского, который открыл и раскопал на высоком для того времени методическом уровне первый на территории России могильник людей каменного века. М. П. Овчинников открыл первую в Восточной Сибири стоянку Верхоленская гора—один из замечательных памятников древнейшего человека Сибири. Уже для этих первых исследователей далекого прошлого сибирских народов характерно не вещеведение, а широкая чисто историческая постановка проблем. Ими была разработана первая периодизация неолита Восточной Сибири, поставлен вопрос о бронзовом веке у таежных племен и нарисована в общих чертах картина их жизни.

С основанием университета в Иркутске в 1918 году в нем вскоре была создана кафедра археологии и этнографии, организован небольшой, но прекрасный музей и краеведческий кружок. В этом кружке и при кафедре собиралась способная и увлеченная наукой молодежь и исследователи старшего поколения—этнографы Г. В. Ксенофонтов, В. И. Подгорбунский, археолог А. В. Попов. Здесь начали свою научную деятельность Г. П. Сосновский, Г. Ф. Дебец, М. М. Герасимов и А. П. Окладников. Нужно думать, что скоро наступит время, когда исто-

рия деятельности иркутских археологов и этнографов станет предметом специального изучения, так много важного и интересного они сделали для науки. Здесь же мы по случаю пятидесятилетия научной деятельности остановимся только на одном из тех, кто перечислен выше, на творческой деятельности в науке А. П. Окладникова.

**

А. П. Окладников родился в 1908 году в глухой сибирской деревушке Тыпте на р. Илге (верховья р. Лены), в семье сельского учителя.

Первые школьные годы А. П. Окладникова прошли в большом ленском селе Бирюльском, у самых истоков Лены выше Качуга. Село это прочно вошло в историю Сибири. Здесь издавна строили карбазы и «павозки» для сплава леса и всяких товаров в Якутию. Отсюда начался великий и трудный путь в Якутскую тайгу. Село Бирюльское прославилось также крестьянским восстанием 1696 года. Все в этом селе — и его прошлое, и дикая мужественная природа, сопки, покрытые тайгой, известняковые скалы, стремительная в этих местах холодная Лена — способствовали развитию наблюдательности и живого интереса мальчика к окружающему.

Интерес к прошлому появился не случайно. Он и сейчас не может забыть как в книжном магазине Макушина и Посохина им была куплена одна из первых в его жизни книга, где говорилось о раскопках на юге России. Это была маленькая иллюстрированная книжка, где рассказывалось о том, как был найден склеп с захоронением языческой жрицы.

Следующие книги, которые он обнаружил в старом библиотечном шкафу школы была Библия, «Илиада» и «Одиссея». Мальчик был потрясен величественной красотой гомеровского эпоса. Целыми ночами, лежа на полу перед раскаленной печью (шли трудные годы, когда в деревне не хватало керосина и жгли лучины и светильники из нерпичьего жира) он читал страницу за страницей, целиком погружаясь в сказочный чарующий мир эпических легенд и мифов. А затем по ночам ему снились ахейцы в меднокованных латах.

Позже он узнал, что был еще каменный век и история человечества уходит в глубь веков, что она началась гораздо раньше библейского Адама, в далеком каменном веке

Интерес к местному краю нашел затем хорошую почву в Ангинской средней школе, в одном из зданий которой родился А. П. Шапов «первый крестьянский историк России». Там до сих пор стоит дом, в котором вырос и провел свои детские годы второй, не менее знаменитый уроженец села Анги, исследователь Алеутских островов, виднейший русский этнограф 19 в, знаток культуры, языка и истории алеутов и тлинкитов Иннокентий Вениаминов

Во главе школы стоял в это время талантливый педагог и глубокий знаток сибирской деревни Иннокентий Трофимович Житов, человек большого ума и необыкновенной энергии. И. Т. Житов сумел увлечь краеведением школьников, создал и руководил образцовым по тем временам школьным краеведческим кружком, председателем которого был А. П. Окладников. Члены кружка изучали жизнь и экономику деревни, записывали свадебные обряды, собирали старые песни, русские и бурятские легенды.

Можно представить с каким вниманием слушал он и его школьные друзья лекцию, первую в истории села, о далеком прошлом Прибайкалья, которую прочел заехавший в село в 1925 году П. П. Хороших. Лектор показал найденные им вблизи села обломки сосудов и каменных изделий неолитического человека. Это были первые вещи каменного века, которые увидел юный краевед. И тут выяснилось, что найдены они были не на речной гальке и отмелях, а много выше — на высоких древних террасах. На другой же день началась охота за древностями. В мальчишке заговорила кровь таежных охотников и звероловов. Осенью окружной отдел народного образования отправил двух деревенских парней в Иркутск на учебу в педтехникум. Один из них был А. П. Окладников. Он вез с собой три булки черного хлеба и мешок собранных за лето неолитических находок.

В Иркутске камни были доставлены в университет. Это были сборы с десяти неизвестных раньше неолитических стоянок с Верхней Лены. А. П. Окладников стал членом краеведческого кружка при университете.

И вот, в течение ряда лет, учась в педтехникуме, а затем в университете, ведя активную общественную деятельность по комсомольской и антирелигиозной линии, А. П. Окладников с головой уходит в историю, археоло-

гию и этнографию Сибири. Назначенный на должность заведующего этнографическим отделом краеведческого музея, он с увлечением изучает этнографические коллекции, собранные такими крупными исследователями как В. И. Иохельсон, В. Г. Богораз, М. Н. Хангалов и многими другими. Эта была хорошая школа для увязки в будущем археологии и этнографии.

В эти годы определяется интерес А. П. Окладникова к истории сибирской деревни и истории бурят по письменным русским источникам 17 в. Собирается материал по истории западных бурят и по истории ленской деревни. В маленьком каменном домике, где когда-то хранился губернаторский архив, лежали на стеллажах груды неразобранных дел, которые спас от гибели в 1916 году М. П. Овчинников. Папки этого архива хранили бесчисленное количество фактов, рисовавших экономику, быт и историю крестьян Илима и Верхней Лены в 18 в. В архив этот А. П. Окладникова привели поиски документов по истории села Бирюльского, где происходил бунт крестьян 1696 г. Речь шла о том, чтобы написать историю села, проследить шаг за шагом события на фоне общественно-экономической истории Восточной Сибири. Это должна была быть целая историческая эпопея ленской деревни, более чем за двести лет. Собран был огромный материал, масса документов, копий и выписок из сотен архивных дел. Написаны были несколько разделов монографии, в том числе работа о бирюльском бунте 1696 года против приказного Павла Халецкого. Но от этого большого замысла отвлекли другие дела.

Первым из них была работа над монографией по истории западных бурят-монголов. Вторым—археологические исследования сначала на Лене (1928—32), а затем с 1932 г. на Ангаре и отчасти на Селенге (1929 г. здесь был открыт Фофановский могильник).

В эти же годы были открыты замечательные поселения на ангарских островах выше Иркутска, где позднее начала свою работу Ангарская археологическая экспедиция АН СССР, открыты и раскопаны замечательные неолитические погребения и поселения в долинах рек Ангара и Лены, обнаружено единственное в Сибири местонахождение древних рисунков разных эпох—Шишкинские писаницы.

В 1935 г. предоставилась возможность поступить в

аспирантуру Государственной академии материальной культуры (ГАИМК). Первый, кто тепло встретил здесь А. П. Окладникова, был П. П. Ефименко, создатель школы русских исследователей палеолита, историк-мыслитель, автор основополагающих работ по первобытной истории СССР и зачинатель новой методики раскопок палеолитических памятников.

Так начинается новая полоса в его жизни и научном творчестве в коллективе ленинградских археологов. Резко расширяются диапазон исследований и исследовательские возможности. А. П. Окладников жадно дышит воздухом новой для него атмосферы. ГАИМК, крупнейший в то время центр исторической науки в нашей стране, жил напряженной и даже, временами, лихорадочной жизнью дискуссий и горячих споров. Несмотря на влияние псевдомарксистских вульгаризаторских тенденций, советская археология в целом прочно встала на новый марксистский путь. Это придало новой науке сильные крылья, дало ей новую жизнь. Борьба шла за марксистское понимание древнейшей истории человечества, против субъективизма и идеализма в исторической науке.

А. П. Окладников, воодушевленный новыми идеями, жадно воспринимает опыт своих старших товарищей, в первую очередь П. П. Ефименко. Он начинает еще более кипучую чем прежде исследовательскую работу, сначала на старых местах, по-прежнему на Лене и Ангаре, где в 1936 году был открыт один из наиболее замечательных памятников палеолита Сибири стоянка Буреть. Исследования в Бурети явились образцовыми по методике раскрытия палеолитических жилищ. В результате этих работ выяснилась подлинная конструкция жилых сооружений не только Бурети, но и соседней Мальты, культурные комплексы которой оставались до этого непонятными и загадочными. В Бурети впервые были обнаружены и описаны основные конструктивные черты жилища палеолитического человека Восточной Сибири, в том числе столбы или упоры для столбов из буреных костей и черепов мамонта, плиты, которыми было обложено жилище и крыша из рогов северного оленя. Исключительную ценность имеет сравнение жилищ Бурети и Мальты с жилищами сидячих чукчей и эскимосов северо-восточной Азии. Они приобрели после этого особенно живые и конкретные черты.

В 1935 г. В. Г. Тан-Богораз, своим острым глазом давно уже подметивший интерес у молодого исследователя к этнографии и стремление увязать ее с археологией, решил, что самым подходящим археологом для осуществления намеченных им широких исторических работ на Амуре будет А. П. Окладников. 4 месяца плыл в простой рыбацкой лодке отряд в составе А. П. Окладникова, илимчанина М. Я. Черемных и двух рабочих. За это время на пространстве от Хабаровска до Николаевска были открыты сотни различных памятников разного времени. В результате впервые стала раскрываться загадочная до сих пор история древних народов Амура.

В 1937 г. были реализованы результаты долгих поисков в архивах Иркутска, Москвы и Ленинграда—вышла в свет книга, посвященная истории западных бурят-монголов в 17—18 в. Исследование это, по словам специалистов, является настольной книгой каждого историка, который занимается прошлым бурятского народа. Это было политически актуальное, написанное с большим подъемом историческое исследование, где впервые в истории Сибири, центром тяжести была мысль о исторических корнях дружбы трудящихся России и трудящихся Бурятии. Чтобы оценить эту работу, нужно вспомнить, что бурятские националисты стремились посеять национальную вражду, оторвать бурят от русских. В книге впервые в исторической литературе дана живая картина первой мирной встречи русских с бурятами и показано, как крепла дружба русского и бурятского народов в совместной борьбе против общего классового врага. Во второй части этой книги анализируются социально-экономические отношения у западных бурят и на основе нового археологического и этнографического материала подробно рассматриваются сложные проблемы этногенеза и древней истории бурят и эвенков.

В 1937 году появилась новая большая идея. Ангара до этого была уже не раз пройдена им и его друзьями, но сначала между Иркутском и Балаганском. Затем исследователи осмелели и вышли на большую Ангару, между Балаганском и Братском. Но и это, опять-таки, было только началом древней дороги народов, началом длинного и сложного пути, по которому шли люди каменного века, эпохи бронзы и, наконец, восточные купцы, которые поднимались из страны кыргызов к Байкалу. За Братском

начинались знаменитые ангарские пороги Падун, Шаманский, Долгий, а за ними шли остальные пороги и шиверы, составившие Ангаре такую громкую славу. В июне месяце от Братска отчалила простая зеленая лодка, в которой сидели три новых «землепроходца»—А. П. Окладников, А. Д. Фатьянов, будущий директор самого крупного в Сибири Иркутского художественного музея — и А. Н. Мельников, хранитель Иркутского краеведческого музея, страстный рыбак и охотник, неподражаемый мастер ходьбы на лодке с шестом вверх по Ангаре и такой же страстный археолог. Маленькая экспедиция, снаряженная Иркутским краеведческим музеем и Восточно-Сибирским краеведческим обществом пошла навстречу неизвестному.

За Братском начиналась новая для археологов земля, страна никому неведомых древних племен и культур. Правда, в низовьях Ангары побывал в свое время Н. И. Витковский. Известно было, что в устье реки Чадобца находят большое количество превосходных каменных вещей, которые хранятся в Иркутском и Красноярском музеях. Известны были и другие находки—бронзовые литейные формы у деревни Соколовой, но не было известно целое, не было общей картины археологических памятников низовьев Ангары.

Результаты экспедиции, как и следовало ожидать, оказались богатыми. Была составлена первая археологическая карта низовьев Ангары. Экспедиция раскопала неолитические погребения различных стадий, обследовала писаницы, стоянки каменного, бронзового и железного века. Едва ли не самую большую радость доставило ее участникам открытие великолепных рисунков у деревни Манзя. Здесь уцелели фигуры шаманов в костюмах, изображающих птицу, своеобразно стилизованные фигуры животных и, что особенно поразило всех, рисунок, изображающий сочетание дикого козла и шаманки. В этом наивном рисунке был, очевидно, передан старый тотемический миф о происхождении какого-то рода от козла и женщины. Неподалеку оказалось не менее интересное жертвенное место, куда посылали свои стрелы из луков снизу с реки охотники каменного и бронзового века.

Год спустя, в последний год аспирантуры, начинается новая полоса в жизни археологической деятельности А. П. Окладникова. По предложению П. П. Ефименко в

1938 г. было решено поручить А. П. Окладникову поехать в Среднюю Азию и проверить данные о следах каменного века в районе Термеза на берегах Аму-Дарьи. Нужно было перенестись из северной сибирской тайги с берегов Лены и Ангары, в пылающие зноем пески и горы Средней Азии.

Свои первые шаги в новой стране А. П. Окладников и его бессменный спутник В. Д. Запорожская сделали в составе экспедиции под руководством крупнейшего историка и археолога Средней Азии М. Е. Массона, М. Е. Массон с обычным для него вниманием вместе с тем и требовательностью встретил новичка северянина. Первым заданием было выяснить откуда происходит странная расписная керамика, которую называли керамикой трипольского типа, обнаруженная на высоком холме с гордым названием Дуниатепе, т. е. не больше не меньше как «Холм-Вселенная». А затем наступил давно желанный момент, когда палеолитический отряд Термезской археологической экспедиции, первый в истории Средней Азии палеолитический отряд, двинулся в горы сначала на автомашинах, а потом на ишаках.

Горы лежали, казалось, совсем близко, но путь на них оказался гораздо длиннее, чем можно было предположить. Узкая тропа сначала полого поднималась по каменным осыпям, затем змеилась между отвесными скалами. Наконец, она вплотную подошла к отвесной пропасти, под которой где-то далеко в бездне рычала и пенилась горная река Турган-Дарья. Так начинался грозный перевал Сары Шато, за которой лежала Мачайская долина. В одной из пещер этой долины Катта-Курган, Г. В. Парфенов, директор Термезского музея, нашел несколько обработанных кремней.

Путь в Мачайскую долину шел через пропасть. В незапамятные времена кто-то вбил деревянные колья в почти незаметные теперь трещины и щели скалы. Затем на них были настланы зыбкие мостки, слегка присыпанные щебенкой. Все это вместе взятое называлось оврингом. Мостки качались в такт движению, маленькие ослики, нюхая камни под ногами и покачивая ушами, медленно ступали по этому висящему чудом над бездной мосту. А дальше снова начиналась каменистая дорога, которая поднималась, казалось, к самому небу. Но путешественники были вознаграждены за все, когда, нако-

нец, достигли перевала и внизу открылась зеленая долина, по сторонам которой стояли зубчатые цепи снежных гор.

Восемь дней вместе с маленькими горными пастухами обследовали археологи все новые и новые ущелья и саи. В одном из ущельев нашли, наконец, огромную пещеру «Катта-суле-камар», т. е. «Великую пещеру с водой». Обследовали около десятка других пещер больших и малых, пока не увидели отвесные стены ущелья Заутолош-Дора. Проход был как будто высечен в известняке ударами гигантского кетменя. Стены его обрывались отвесно на высоту 100 метров. На них высились грандиозные башни, местами похожие на египетские пирамиды. А на вершинах этих башен росли арчевые леса.

В самой глубине ущелья издали виднелось темное пятно, у которого стояла как сторож одинокая арча необыкновенной высоты. Здесь находилась, прославленная теперь в литературе, пещера Тешик-Таш.

Под скальным козырьком навеса у входа в пещеру с потолка капала вода. Капли продолбили в мягкой земле, заполнившей пещеру, глубокую ямку. На дне ее белели обломки костей животных, а рядом лежал полусъеденный водой камень. Достаточно было одного взгляда на эти кости и камень, чтобы увидеть в них следы деятельности древнейшего человека. Пещера оказалась жилищем неандертальцев. «Все! Отсюда мы дальше не пойдём»,—сказал А. П. Окладников.

Так начались раскопки в Тешик-Таше, которые через несколько дней принесли новое открытие. Были найдены не только орудия мустьерского человека, но и кости младенца, который жил около ста тысяч лет тому назад. Это был первый на территории СССР полностью сохранившийся скелет неандертальца. Как и при раскопках Бурети методика исследования этого уникального памятника древнейшей культуры была безупречна. Она привела к открытиям, имеющим важное значение для анализа такой важной стороны культуры человека как идеология и мировоззрение, которые как правило, ускользают от исследователей вследствие огромного промежутка времени, который отделяет мустьерских людей от нашего времени и из-за общего чрезвычайно низкого уровня развития их культуры. В 1939 году раскопки Тешик-Таша были закончены и картина этого

замечательного памятника древнейшей культуры стала окончательно ясной.

В этом же 1939 году Якутский институт культуры заинтересовался древнейшими наскальными рисунками реки Лены, в которых многие видели древние забытые письмена якутов, письмена Эллея, легендарного прародителя якутов, который согласно легенде потерял их по дороге с юга на север, когда бежал от врагов. Руководить работами был приглашен А. П. Окладников. Археологические работы на Лене были начаты путешествием на катере вверх по Лене от Якутска по направлению к Олекминску и обратно вниз к Якутску, куда экспедиция прибыла поздней осенью во время ледостава.

Работы на Лене были продолжены затем в 1941—45 гг. на участке от Качуга до Якутска, а затем дальше в низовья Лены вплоть до острова Тиит-Ары вблизи ее устья. Обследована была вся долина реки Лены, открыты десятки ранее неизвестных памятников древнейших племен р. Лены, раскопаны древние поселения, могильники, плавильни, тщательно изучены наскальные изображения.

Не ограничиваясь берегами основной водной артерии Лены археологи побывали на затерянных в тайге горных речках и озерах северной тайги и лесотундры. Всюду перед ними открывались следы новой, неизвестной раньше в этих местах культуры арктических племен, разнообразные памятники прошлого. Из бесчисленных обломков складывалась сложная и увлекательная картина древней истории советской Арктики. Археологи проникли верхом на оленях на затерянное в тайге овечье озеро Сылах, где по преданию был захоронен знаменитый шаман.

По таежным тропам, верхом, археологи добрались и до другого не менее священного места лесных людей—до писанной скалы в верховьях реки Мархи, где оказались не только рисунки, но и единственное в своем роде жертвенное место. В течение веков приходили сюда лесные охотники, совершали свои охотничьи обряды в честь духа-хозяина этой долины, рисовали на скалах писаницы. У подножья скалы они складывали свои жертвоприношения. В узкой щели лежали наконечники стрел и копий, резцы, отщипы, костяные шилья. Женщины племени, почитавшего древние скалы на реке Мархе, приносили в

жертву владычице скалы игольники и такие же костяные иглы с изящно выточенным ушком. Там же складывали они украшения в виде изящных перламутровых кружков, а высоко в щели еще торчали древки стрел, воткнутые туда древними людьми. Едва ли не самыми замечательными находками на скале Суруктах — хайа были деревянные огнива. Они имели вид массивных пластинок, в которых были высверлены многочисленные отверстия — лунки. Рядом лежали деревянные стерженьки—сверла для этих огнив.

Исследования в Якутской тайге требовали не только непрерывного физического напряжения, но и такого же упорства. Можно сказать, что древняя история Якутии писалась не столько чернилами, сколько потом и кровью: тучи комаров и мошек отравляли существование исследователей днем и ночью. Но, несмотря на все, работы продолжались.

За Леной наступила очередь Колымы. В 1946 году исследователи из Якутска прилетели в Магадан, побывали на острове Ольском, на полуострове Кони и на мысу Алевина. Это были места первобытной дикости, настоящий медвежий край. В районе Магадана были исследованы и частично раскопаны жилища древних коряков, расположенные в живописных морских бухтах. Внутри жилищ оказались многочисленные каменные и костяные орудия, сделанные с большим искусством.

Из Магадана экспедиция перевалила в долину Колымы и оттуда пошла вниз к морю Лаптевых. Сплывая вниз по Колыме, исследователи повторили путь древних юкагиров, которые также плыли вниз по этой реке на плотках, причаливали к берегу, разводили костры, а затем снова шли дальше. Возможно, что о таких временных остановках древних юкагиров рассказывают необычные мастерские, обнаруженные археологами в различных местах на берегу Колымы. В этих местах производилась черновая, предварительная обработка гальки. Ее обтесывали, дробили и кололи, выделявая заготовки будущих орудий. И только лишь в самых низовьях Колымы были обнаружены следы более долговременных поселений. На высоком мысу в долине реки Лабуи, затем в Крестах Колымских и еще дальше на севере, в местности Петушки оказались обломки сосудов неолитического типа, наконечники копий и стрел, в том числе из-

готовленные из вулканического стекла обсидиана, крупные ретушированные ножи и прочие изделия древних охотников лесотундры.

Достигнув морских берегов, экспедиция направилась морем на восток. На этот раз, целью поисков была бухта на Барановом мысу, где в 1794 году известный русский мореплаватель Гавриил Сарычев произвел первые в истории Арктики археологические раскопки. Когда экспедиция прибыла на реку Раучуа-Большую Бараниху, старый оленевод-пастух рассказал, что его отец показывал места на Барановом мысу, где в древности жили люди и стояли валькары, т. е. жилища, построенные из челюстей кита. Там же находился, по его словам, длинный столб с какими-то надписями. В бухте, куда он привел исследователей, столба с надписями уже не было. Но зато уцелели остатки древних жилищ, тех самых, в которых Г. Сарычев вел раскопки. Следы раскопок Г. Сарычева были ясно заметны в одном из бугров-жилищ при зачистке старого раскопа, там снова оказались вещи, которые в свое время описывал Г. Сарычев—черепки толстостенных горшков и шлифованные каменные ножи типа эскимосских уло. Там же было обнаружено множество других изделий из бивней моржа, из камня, дерева, кости. Уцелели также сосуды из китового уса и остатки кожаной обуви. Здесь жили очевидно морские охотники-звероловы, родственные эскимосам Берингова пролива. Об этом свидетельствуют кроме общего характера культуры типично эскимосские по форме гарпуны поворотного типа, главное и самое остроумное охотничье приспособление морских охотников северных морских стран. Так были раскрыты первые страницы истории Колымского края.

В 1945 году было осуществлено новое большое путешествие на запад от Лены, к восточному берегу Таймыра. Экспедиция вылетела из Красноярска сначала в устье реки Хатанги, где к большому удивлению ее участников были найдены неолитические стоянки с культурой близкой неолиту Средней Лены. Оттуда на самолете экспедиция пересекла восточную половину Таймырского полуострова. Затем ее участники перешли на гидрографическую шхуну «Якутия», которая и доставила их на затерянный в океане остров Фаддея. Здесь в 1941 году гидрографы обнаружили целый клад старинных вещей. Состав этих

находок и общая обстановка, с которой они связаны, не оставляли сомнения, что это были остатки древнерусско-полярной экспедиции.

Идя по пустынному берегу, археологи увидели группу белых медведей, которые равнодушно смотрели на пришельцев. У них были свои заботы—море выбросило на галечную отмель огромную тушу мертвого моржа.

Следы древней экспедиции оказались на противоположном конце острова. На скалистом берегу под камнями и между ними лежали остатки пушнины, старинное оружие, обломки мореходных инструментов, свинцовые пули, простая деревянная иконка, серебряные нательные кресты, перстни многое другое, в том числе сотни тонких серебряных монет овальной формы—казна древних мореходов. Тщательное исследование и остатков промышленного зимовья Симса раскрыло драматическую историю смелого похода мореплавателей и их гибели среди арктических льдов.

В 1947 году снова начинаются работы в Средней Азии, на этот раз в Туркмении, где разворачиваются большие работы Южно-Туркменской комплексной археологической экспедиции (ЮТАКЭ) под руководством действительного члена Академии наук Туркменской ССР—М. Е. Массона.

ЮТАКЭ, как все большие экспедиции М. Е. Массона, ставила широкие исторические задачи. Центр тяжести ее работ лежал в изучении древних земледельческих культур Средней Азии. В Туркмении сталкивались ахеменидский Иран и скифы, Рим и Парфия. Здесь находилась древнейшая столица парфянской империи, а неподалеку от городища старой Нисы стояли холмы Анау. Но экспедиция хотела заглянуть еще глубже в прошлое Туркмении, и М. Е. Массон, как когда-то в Термезской экспедиции снова создает палеолитический отряд. Его, как и в первый раз, возглавил А. П. Окладников. Работы отряда в течение ряда лет протекали на пустынном Красноводском полуострове, по одну сторону которого лежит высохшее русло Узоя, по другую Карабугаз. Работами палеолитического отряда ЮТАКЭ были обнаружены многочисленные стоянки каменного века. Найдены были первые на территории Средней Азии ручные рубила эпохи нижнего палеолита, обнаружены мастерские верхнепалеолитической эпохи и ряд памятников

мезолитического времени, в том числе пещера Кайлю. Непосредственно на древней морской гальке в пещере Кайлю оказался древний очаг, в котором лежали кости рыб, костяная игла с ушком и узкие тонкие острия с затупленным краем. Мезолитический очаг был перекрыт сверху плотным слоем песка, не похожего на морской. Выше лежала толща более поздних слоев эпохи неолита. Во всех слоях пещеры Кайлю оказались находки, которые взволновали геологов—ракушки кардиумедуль. Этот моллюск считается поздним пришельцем в Каспийское море и многие исследователи полагали, что появление его здесь произошло каких-нибудь две тысячи лет назад. Находки в Кайлю поставили на очередь новую проблему: не следует ли произвести известную переоценку старых взглядов о датировке четвертичных отложений Прикаспия? Находки в других пещерах Дамдам-чешие и Джебел около Небит-Дага раскрыли эволюцию древних культур Туркмении с конца мезолита и вплоть до бронзового века. Раскопки показали, как последовательно и закономерно изменялась культура охотников и собирателей, заселявших степи и пустыни северной Туркмении. Смена культурно-исторических этапов охватила здесь, по крайней мере, пять тысячелетий. Итоги тщательных исследований пещеры Джебел были подведены в специальной монографии, изданной в трудах ЮТАКЭ. Это — первое капитальное исследование по каменному веку северной Туркмении.

В 1948 году начинается работа в новом районе Средней Азии—в Таджикистане. Каменный и даже бронзовый век Таджикистана оставался загадкой. Складывалось даже впечатление, что здесь сразу и внезапно расцветает высокая культура античной эпохи. Правда, были попытки поисков пещерных стоянок в Таджикистане. Но они оказались безрезультатными. Каменный век, как бы ускользал от исследователей, хотя рядом в горах Байсун-тау находился знаменитый Тешик-Таш.

В 1948 году было осмотрено несколько пещер, но они также не дали ожидаемых находок. В них встречались только черепки античного и средневекового времени. В то же время внимание палеолитического отряда привлекли прекрасно выраженные древние террасы, расположенные вдоль берегов Вахша, Кафирнигана и других горных рек Таджикистана. Ровные площадки этих террас, казалось,

самой природой были предназначены для жизни человека. Почему бы там не оказаться следам деятельности древнейших людей каменного века? И действительно, неподалеку от столицы республики Сталинабада в Гиссарской долине на одной такой террасе был найден первый бесспорно обработанный рукой человека камень. Он имел вид гальки, у которой один конец был отколот и затесан рядом сильных энергичных ударов. Вслед за тем находки пошли одна за другой. Были обнаружены целые гнезда древних поселений, на которых каменные изделия архаических по виду форм встречались десятками и сотнями. Так была открыта новая для Средней Азии культура каменного века—Гиссарская культура. Все было необычно в этой культуре—и высокие террасы, на которых располагались поселения древних обитателей Таджикистана, и очень архаическая по виду техника изготовления каменных орудий, по внешнему виду напоминающие орудия палеолита, и сочетание их с тонкими ювелирными пластинками, сколотыми с призматических вуклеусов, и, наконец, керамика—обломки хумов и больших сосудов — весьма совершенной выделки. Все это рассказывало о чрезвычайно сложной культурной и этнической истории раннеземледельческого населения Таджикистана, которая с самого начала проходила в тесном контакте с культурами каменного века Ближнего Востока с великими цивилизациями долины Тигра и Евфрата.

Вслед за открытием гиссарской культуры были найдены первые в Средней Азии мезолитические поселения, обитатели которых делали так же как обитатели Туркмении удивительные орудия геометрических форм в виде трапеций, сегментов и пластин с затупленным краем. Это означало, что и в Таджикистане 5—3 тыс. лет до н. э. жили группы подвижных бродячих охотников, каспийцев, как их называл в свое время П. П. Ефименко Южане-каспийцы еще в конце палеолита создали принципиальную иную чем у их собратьев, северян, культуру. Они с самого начала шли другим историческим путем, чем племена Северной Азии, Восточной и Западной Европы.

Но в Таджикистане все еще не было найдено следов начальной поры каменного века, нижнего и среднего палеолита. В 1953 году начались исследования Кайрак-Кумов, этой миниатюрной пустыни вдоль правого берега Сыр-Дарьи, где должно было вскоре разлиться Тад-

жикское море. В Кайрак-Кумах побывала не одна археологическая экспедиция и все они вынесли одинаковое впечатление, что это всегда была безжизненная и мрачная пустыня, которую жизнь обходила далеко стороной. Старый шейх в гостеприимной мехмон-хоне, в которой экспедиция разбила свой лагерь, рассказал древнюю легенду о городе нечестивых людей, который находился когда-то на этом месте. Однажды к ним пришел неведомый старец, но никто не захотел дать ему приюта. Только один бедняк, имевший единственную пеструю корову, сжалился над усталым путником, приютил и накормил его. Ночью старец сказал ему, чтобы он взял свою пеструю корову и поскорее ушел из города. Вслед за тем река вышла из берегов и затопила город скупых людей. С тех пор место, где когда-то стоял город, скрытый водами реки носит название Ала-сэгирь, т. е. «Пестрая корова». Однако никаких следов легендарного города археологи не могли найти.

И все же в Кайрак-Кумах когда-то была жизнь. Сначала на гладких такырах, а затем в гальке древних высоких террас были найдены первые грубые пластины и отщепы чрезвычайно архаической формы. Весь вид этих орудий свидетельствовал о их глубокой древности. Многие из них были покрыты пустынным загаром и сильно изъедены ветром и песком. Это были типичные мустьерские изделия, в том числе остроконечники из массивных широких пластин, массивные скребла и дисковидные нуклеусы. Так в россыпях галечников Кайрак-Кумов были найдены следы деятельности древнейших обитателей долины Сыр-Дарьи, людей мустьерской, а может быть более древней ашельской эпохи.

Столь же неожиданными оказались новые находки на этот раз на такырах Кайрак-Кумов. Уже издали на них был замечен своеобразный рельеф, обусловленный деятельностью ветра, в виде глубоких котловин с обрывистыми краями. Именно в таких котловинах находил А. П. Окладников самые богатые стоянки каменного века в пустыне Гоби. Заманчивое сходство не подвело и на этот раз. На дне котловин оказались черепки грубых глиняных сосудов и бусины древних форм. Вскоре с машины были замечены какие-то небольшие возвышения или конические холмики, сложенные из галек. Их могли сложить туда только люди. Оказалось, что это были древ-

ние очаги, бронировавшие поверхность такыров и предохраняющие их от разрушения ветром и дождевой водой. Вскоре очаги вытянулись в линию и слились в сплошное широкое пятно. Вокруг пятна были рассеяны не только черепки горшков и кости животных, но и окислившиеся от времени медные изделия — широкий нож в виде бритвы и обломки наконечников. Когда перевернули один из камней, то оказалось это была литейная форма для изготовления вислообушного топора.

Перед археологами открылась яркая картина древних поселений. Они насчитывались теперь десятками. В безжизненных сейчас Кайрак-Кумах кипела жизнь людей бронзового века. Древние обитатели этой теперь почти безжизненной пустыни были прежде всего скотоводами. Но, вместе с тем, они занимались и земледелием. Повсюду около их очагов лежали зернотерки обычной ладьевидной формы. Отсюда следует, что в то время в Кайрак-Кумах текла вода и уровень самой Сыр-Дарьи был значительно выше.

Но причина обилия остатков древних поселений бронзового века в Кайрак-Кумах объясняется не только этим. В одном месте машина экспедиции остановилась перед широкой площадкой, сложенной шлаками. Понадобился должно быть труд не одного поколения древних металлургов, чтобы накопилась такая масса шлаков. В другом месте они увидели скопление кусков еще не переплавленной медной руды и каменные молотки, которыми ее дробили для удобства плавки. Руду добывали должно быть из соседних гор Супе-Тау, где до сих пор сохранились следы старинных горных выработок.

Изучение найденных в Кайрак-Кумах керамики и других изделий, выполненное затем Б. А. Литвинским, показало, что культура обитателей бронзового века Кайрак-Кумов развивалась многие века. Наиболее ранние поселения относятся ко времени андроновской культуры. Их обитатели находились в связях с племенами Енисея и Западной Сибири. Наряду с высоким искусством плавки бронзы они по-прежнему умели обрабатывать камень (на одном из поселений были найдены каменные наконечники стрел), а со временем у них появилось железо и облик культуры существенно изменился. Но они по-прежнему оставались скотоводами и земледельцами.

Древняя культура Кайрак-Кумов исчезает так же не-

ожидании, как она появилась. Нужно думать, что ее исчезновение связано было с какими-то историческими переменами, а может быть и с переменами в природе этой страны. Ясно одно — за временем процветания Кайрак-Кумов где-то в конце 1 тысячелетия до н. э. следует время пустыни. Об этом свидетельствует слой надутого ветром песка, мелкие барханные пески, перерывающие старую почву, которую когда-то обрабатывали земледельцы Кайрак-Кумов.

В начале 1958 года, после двадцатилетнего перерыва А. П. Окладников снова вернулся в Узбекистан. Он был приглашен возглавить работу по палеолиту Узбекистана. Экспедиция выехала в кишлак Ходжикент, откуда юными краеведами было доставлено несколько отщепов. Раскопки показали, что грот Ходжикента, расположенный около источника с древними чинарами при слиянии рек Пскема и Угама, был заселен людьми мустьерского времени. Хотя слой грота был потревожен в средние века, в них все же уцелела прекрасная коллекция каменных изделий. Сохранился также очаг, у которого грелись неандертальцы и своего рода рабочая площадка, где обрабатывались каменные орудия.

Не менее интересные находки были обнаружены в других местах по соседству с кишлаком Ходжикент. На древних галечных террасах Угама и Покема были рассеяны обработанные человеком камни характерных форм. Больше всего здесь было крупных галек величиной с тарелку, обработанных по краям и превращенных в своего рода огромные дисковидные нуклеусы. Найдены были также одинаково массивные изделия в виде гигантских скребел-чепперов, у которых один край сохраняет естественную гладкую поверхность и служит рукоятью. Перед археологами встала новая загадка. По виду эти изделия могли быть отнесены к самому началу палеолитического времени. Но, судя по высоте террас, на которой они находятся, их следует отнести к более позднему времени и какой-то неведомой до сих пор культуре.

После этого экспедиция направилась в Фергану, где вместе с П. Т. Коноплей, краеведом-энтузиастом, увлеченным поисками каменного века, учеником А. П. Окладникова, обследовала ущелье Денгирик-дере и возвышенность Капчигай.

Уже первые находки, которые П. Т. Конопля сделал в

Капчигае, ясно показали, что он открыл памятник исключительного значения. Среди собранных им каменных орудий были превосходные мустьерские нуклеусы, пластины и отщепы типичных мустьерских форм. Когда экспедиция подошла к Капчигаю, ее участники увидели высокий крутой склон, усыпанный обломками кремня, среди которых было рассеяно множество кремней, обработанных рукой человека. Здесь и нашел П. Т. Конопля изделия мустьерского типа.

Поднимаясь по осыпи все выше и выше, археологи наконец достигли вершины горы, на которой виднелись обрывистые скалы. Поднявшись к скалам, археологи увидели нечто необыкновенное. Перед ними выступали целые пласты почти чистого кремня. Кремень был темный с зеленоватым или даже голубоватым оттенком. Гора Капчигай представляет собой единственный в своем роде памятник. Это каменоломни неандертальцев, т. е. место, где в течение сотен поколений древнейшие люди добывали камень. Это самые древние известные сейчас археологам горные разработки не только на территории СССР, но и очевидно во всем мире.

Одновременно с работами в Средней Азии А. П. Окладников непрерывно продолжает свои исследования в Сибири и на Дальнем Востоке.

С 1951 года под его руководством систематически работает большая Ангарская археологическая экспедиция. Раскопки велись сначала в зоне строительства Иркутской ГЭС, где главным объектом исследования были многочисленные поселения на островах Ангары выше Иркутска.

Затем начались еще более широкие по масштабам работы в зоне затопления Братской ГЭС. Работами в зоне будущего Братского моря охвачены разнообразные памятники — древние поселения, городища, могильники, наскальные изображения разного времени, начиная с палеолита и кончая 17 в. Открыты новые палеолитические памятники, в том числе поселение около села Малышевка в местности Красный Яр. Найдены мастерские каменного века, где производилась массовая заготовка кварцита. Из них наиболее яркая на высокой древней террасе у деревни Каменки, где несколько гектаров засыпано обработанным кварцитом. Здесь же сохранились больше наковальни-валуны, тяжелые молоты, которыми дробили

камень, отбойники и большое количество заготовок орудий, в основном скребел и ножей.

Специальной поездкой был вновь охвачен исследованием район Лены от Качуга до Жигалово. Во время этой поездки были тщательно изучены и зафиксированы древние изображения у деревни Воробьево, а также открыто единственное в Восточной Сибири жертвенное место охотников глазковского времени на ленских скалах. Во время той же поездки были исследованы скальные погребения у деревни Воробьево, которые раньше были приняты за захоронения железного века. Этот уникальный в Сибири погребальный памятник людей каменного века расположен в глубокой расщелине обрывистых скал высоко над рекой. После того как этот своеобразный оссуарий был заполнен целиком, расщелину заложили хорошо пригнанными друг к другу каменными плитками. При раскопках оказалось, что здесь производилось вторичное погребение умерших, куда их кости, тщательно завернутые в бересту, переносились с места первого погребения. Вода не проникала в пещеру, поэтому в сухой земле, которая заполняла ее сохранилась не только береста, но даже остатки ткани каменного века.

На Ангаре, где когда-то в тридцатые годы под руководством А. П. Окладникова производила свои разведки экспедиция Иркутского музея и краеведческого общества, сейчас работают стационарные отряды его сотрудников, которые раскапывают целиком поселения и кладбища древних времен. Целиком раскопаны такие важные памятники прошлого Прибайкалья как Серовский, Усть-Удинский, Семеновский могильники, могильник на Братском камне, неолитические поселения в деревне Нижнее Середкино, у деревни Семеново в пади Калашниковой около Свирска, в устье реки Белой. Впервые в истории археологического исследования Прибайкалья в широких масштабах ведутся раскопки курыканских поселений в устье реки Унги и на реке Талькин в районе Балаганска. Описаны и скопированы замечательные наскальные рисунки на Каменных островах, в районе деревни Егоровой, около села Верхняя Буреть, у города Свирска и пристани Макарьево, а также на реке Оке.

В 1953 году снова возобновились работы на Дальнем Востоке, начатые в 1935 году, на этот раз не только на Амуре, но и в Приморье. Разведочные работы и раскоп-

ки в районе Владивостока, на островах в заливе Петра Великого, вдоль побережья между устьями реки Туманган и Уссурийским заливом, а также в районе г. Уссурийска дали возможность одним общим взглядом охватить все разнообразие культур этого замечательного края, раскинувшегося у берегов Тихого океана.

Культуры эти были ранее изучены чрезвычайно слабо. Не было единой общей картины их развития и последовательности. А между тем Приморье, как и соседний Дунбэй, было тем районом, где скрещивались судьбы древних народов и древнейших культур соседних областей Кореи, Китая, Монголии и Сибири.

Проблемы взаимоотношения этих культур встали еще раньше и, особенно, когда А. П. Окладников в 1949 году возглавлял отряд по изучению каменного века Монголии в историко-этнографической экспедиции, работавшей под общим руководством члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева. Монголия тогда была пересечена тремя маршрутами: на запад в долину Орхона до монастыря Эрденицзу, на юг к Монгольскому Алтаю, и третий маршрут шел на восток по долине Керулена к озеру Буир-Нур и реке Халхингол.

Работы в Монголии резко расширили кругозор исследователя уже тем, что позволили по-новому взглянуть на взаимоотношения древних культур Северной и Центральной Азии.

Первый вопрос, который встал перед советскими исследователями, оказавшихся в Монголии, был вопрос о первых следах человека в этой стране, которую многие ученые издавна считали прародиной человечества. Как это ни странно, но в прародине человечества не было известно до этого ни одного бесспорного палеолитического памятника. Даже в капитальной монографии И. Марингера, которая вышла в свет 4 года спустя после работ советской экспедиции в МНР о палеолите говорится глухо и неопределенно, потому что палеолитических орудий в сборах шведской экспедиции, на материалах которой написана работа, не оказалось. Найти палеолит—такова была задача советских ученых. Первые слабые следы палеолитического человека были замечены, когда С. В. Киселев повез А. П. Окладникова показать прославленные рунические камни Монголии — памятник на могиле Кюль-Тегина в Люн-сомоне на берегу Орхона. Это были

немногочисленные отщепы, найденные на берегу реки. Отсюда А. П. Окладников прошел десятка два километров пешком обратно по направлению к монастырю Эрденицу. Почти напротив древней столицы монгольских ханов, где находился лагерь экспедиции и велись раскопки дворца Угэдэя, наконец-то нашли то, что искали. Здесь находилась мастерская позднепалеолитического времени, где лежали сотни отщепов и галек, оббитых способом, характерным для сибирского палеолита. Вслед за тем целые гнезда палеолитических поселений были найдены в ближайших окрестностях г. Улан-Батора, в том числе у подножья священной горы Монголии Богдоуул. Следы палеолита найдены были также на востоке Монголии и на севере по дороге из Улан-Батора в Кяхту, где вместе со скорлупой яиц страуса лежал костяной наконечник копья и каменные изделия.

Оказавшись в глубине пустыни Гоби около знаменитых пылающих скал, А. П. Окладников увидел собственными глазами ту загадочную культуру и ту первобытную Монголию, которая предшествовала Монголии скотоводов. Это была Монголия первобытных охотников степей и пустынь. Здесь была по предположению археолога Нельсона, участника знаменитой экспедиции Эндрюса, родина микролитической культуры, которая дала начало всем микролитическим культурам земного шара. Можно понять с каким волнением поднимали участники советской экспедиции первые осколки кремня в обширной котловине Баиндзака. Целые часы не распрямляя спины собирали они на раскаленном песке эти остатки жизни древних обитателей Гоби.

Каменные наконечники стрел, миниатюрные скребки, обломки керамики, тонкие ножевидные пластины рассеяны были повсюду в изобилии, а осколки халцедона и кремня местами белели здесь так же как во время первого посещения «Нельсона—белыми пятнами, как свежее-выпавший снег».

Но больше всего наших археологов интересовал один вопрос—верно ли, что в Бандзаке есть остатки двух различных культур, одной мезолитической, азийской по времени, и второй—развитой культуры неолитического времени. И действительно, здесь оказались две культуры, но характер этих культур и их взаимоотношения оказались совсем иными, чем можно было предполагать по

данным прежних исследований. В стенке одной из больших песчаных котловин под мощной толщей древней погребенной дюны обнаружился культурный слой. В нем лежали потрескавшиеся от огня камни очагов, кремневые отщепы, ножевидные пластины, а вместе с ними керамика. Трудно было поверить глазам. В глубине Центральной Азии у подножья Монгольского Алтая жили люди, которые выделяли совершенно такие же сосуды, как в неолите Прибайкалья в серовское и исаковское время: остродонные, сплошь покрытые с наружной стороны отпечатками характерной сетки-плетенки. Это и была, следовательно, древнейшая культура Гоби, которую принял очевидно Нельсон за азийскую. К этой культуре относятся также различные каменные изделия из разных неолитических поселений Монголии, сближающиеся с Прибайкальскими. Именно эта культура и была основной, от которой шло дальнейшее развитие последующих культур древней Монголии. Так возникла новая большая проблема культурных связей и этического родства между древнейшими племенами Восточной Сибири и Центральной Азии.

В тех же дюнных котловинах Баиндзака был прослежен и второй культурный горизонт. В нем вместе с кремневыми отщепами оказались обломки тонкостенных сосудов с отпечатками ткани. Такие же отпечатки характерны для древней китайской керамики культуры Яншао. Следы влияния древнекитайского земледельческого неолита обнаруживались и в каменном инвентаре Баиндзака. Здесь повсюду в котлованах были рассеяны каменные зернотерки и песты. Если даже предположить, что неолитические племена Монголии еще не умели возделывать культурные растения и ограничивались сбором семян дикорастущих съедобных трав, то и в этом случае они все же должны были жить иначе чем лесные охотники Сибири. В этом следует видеть отражение связей с соседними земледельческими племенами юго-восточной Азии. Так в Гоби родилась новая идея в том, как в глубокой древности 5—6 тысяч лет назад сюда проникли охотники из Прибайкалья, приспособившиеся затем к жизни в степных условиях. Соприкасаясь веками с земледельческими племенами северного Китая они усвоили от них сначала собирательство, а потом вероятно и земледелие. Затем в их жизни произошел новый переворот ог-

ромного значения—переход от охотничье-собираательского образа жизни к разведению домашнего скота. Где-то в конце неолита и начале бронзы Монголия впервые стала страной скотоводов.

Новый и неожиданный свет на этот последний вопрос о происхождении скотоводческой Монголии дала поездка в неведомые археологам пространства Восточной Монголии к озеру Буирнур и в долину реки Халхингол. Здесь оказалось много интересного и неожиданного. Самым важным явилось открытие древнего поселения с землянками, в которых оказались многочисленные каменные изделия особых форм, неолитических по облику, в том числе плитчатые скребки в виде длинных прямоугольников. Поселение это можно было бы принять за неолитическое, если бы в нем не оказались брызги расплавленного металла. Отсюда следовало, что вновь открытая на востоке МНР культура относится к концу каменного и самому началу эпохи бронзы, что это и есть неизвестный до сих пор энеолит Монголии. Еще интереснее, что в заполнении одной из землянок лежал почти целый череп домашнего быка. Время ранней бронзы в Монголии было вместе с тем временем первых ее скотоводов.

Работы на Дальнем Востоке, на Амуре и в Приморье также показали своеобразное прошлое этого обширного края в совершенно новом свете. Была обнаружена неизвестная раньше древнейшая культура каменного века резко отличная от всех других культур Северной Азии, но родственная культурам юго-востока. Это так называемая осинонская культура с характерными грубыми галечными орудиями в виде чопперов. Это было подлинное начало жизни человека на Дальнем Востоке.

Столь же своеобразными оказались неолит Дальнего Востока и культуры последующих времен. Особое место среди них занимает так называемая «культура раковинных куч». А. П. Окладников показал, что появление ее в Приморье связано с большими событиями в соседних странах, в первую очередь в Китае. Это было, очевидно, образование первого на Дальнем Востоке рабовладельческого государства Инь-Шан и вызванное его давлением продвижение приморских племен восточного и юго-восточного Китая на север. Эта мысль подтверждается тем, что в раковинных кучах обнаруживаются глиняные сосуды и каменные изделия, сходные с вещами, найденными на

поселениях культуры Яншао и Луншань. Контакт с пришельцами привел к большим переменам в жизни приморских племен. У них развивается земледелие: на поселениях культуры раковинных куч часто находят своеобразные ладьевидные зернотерки, куранты, песты, терочники, каменные мотыги для обработки земли и шиферные жатвенные серпы. Это были очевидно те самые легендарные сушени древних китайских летописей, о которых говорили, что «они знают все пять родов хлеба». Они сумели также приручить свинью и собаку, кости которых часто находят среди отбросов на поселениях. Жили люди культуры раковинных куч большими поселками, которые состояли из ряда прямоугольных землянок. Тесные культурные связи они поддерживали не только с югом Кореи и Китаем, но и с западными степными областями Дунбэя, Монголии и Минусинского края.

С этой новой культурной и, очевидно, этнической волной связана вся последующая история Приморья, когда здесь появляется железо, образуются союзы племен и, наконец, первые политические объединения с высокой культурой, Бохайское и Цзиньское государства. Они играли в средние века значительную роль в политической и культурной жизни народов Дальнего Востока: Кореи, Монголии, Японии и Китая.

Дальневосточная экспедиция под руководством А. П. Окладникова ведет сейчас раскопки одного из самых замечательных памятников средневекового Приморья, громадного городища на Красноярской сопке около г. Уссурийска. Это древний центр одной из провинций Цзиньского государства. Шуайбинь китайских летописей. Высокие стены и рвы его тянутся около реки Суйфун по склонам возвышенностей на расстоянии около 10 км. Тщательное изучение городища, которое ведется уже несколько лет подряд, позволило восстановить увлекательные, полные драматизма страницы его истории. Конец существования этого города совпал со страшным временем разгрома полчищами монголов Цзиньской империи. Город не спасли ни стены, ни глубокие рвы. Удар монголов был коротким и стремительным. Защитники крепости не успели даже пустить в ход заготовленные каменные ядра, которые и сейчас лежат грудями около стен. В город монголы ворвались с восточной стороны, где и сейчас в стенах и рвах можно видеть каменные ядра, ко-

которые бросали из метательных осадных орудий осаждающие. Они захватили запретный город, сожгли в нем храмы и дворцы, расположенные по склону возвышенности. От этих прекрасных зданий остались лежать рухнувшие черепичные крыши с драконами по углам и массивные каменные базы от деревянных колонн, которые некогда поддерживали крышу. Жизнь в этих местах после разгрома замерла на многие столетия вплоть до прихода русских, которые с удивлением увидели заросшие лесом мертвые города и дороги, каменные изваяния и надмогильные памятники.

Все это позволило А. П. Окладникову написать книгу по истории древних народов Дальнего Востока, которая выйдет в скором времени во Владивостоке.

Несколько раньше, в 1954 году была осуществлена давнишняя мечта: пройдена была на моторной лодке долина Амура и Шилки между Сретенском и Благовещенском. При этом было открыто большое количество археологических памятников, в том числе новые писаницы. Была исследована Шилкинская пещера, самый яркий памятник неолита Верхнего Амура.

Все это вместе взятое позволяет теперь впервые в достаточно ясных чертах представить своеобразную и сложную историю советского Дальнего Востока на протяжении тысячелетий.

**

Таким образом на протяжении более 30 лет А. П. Окладниковым выполнена огромная работа в Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Результаты этих работ обобщены в многочисленных исследованиях и ряде монографических работ. В работах А. П. Окладникова изложены принципиально новые концепции и глубокие гипотезы, освещены большие исторические проблемы.

В ряде своих работ он рассматривает общие проблемы истории первобытного человека. Таков, прежде всего, обобщающий обзор палеолитической истории человечества и главы по неолиту в 1 томе «Всемирной истории». Здесь дана максимально сжатая и, вместе с тем, живая картина истории и культуры первобытного человека, в основе которой лежит развитие производительных сил. Привлекая обширный новый материал, автор этих глав на фоне бесконечно разнообразной конкретной истории определенных стран и областей земного шара, в том чис-

ле и на американском континенте показывает общие закономерности развития человека и его культуры. Как во «Всемирной истории», так и в ряде других работ, обосновывается определенный взгляд на периодизацию начальной истории человечества. Основа этой периодизации строится на эволюции орудий труда, сначала естественных, данных самой природой в готовом виде, а затем искусственных, преобразованных человеком. Первый этап периодизации соответствует «стаду обезьян, берущих палки». В свете современных научных открытий на юге Африки это будет время обезьян типа австралолиета. Вторым этапом является временем первых искусственных орудий труда и первоначальных формирующихся людей, время питекантропа и синатропа. Мустьерский период совпадает с моментом перехода от формирующегося человека к человеку современного типа. В мустьерское время впервые появляются зачатки религиозных представлений, с которыми связаны первые захоронения, в том числе погребения младенца в Тешик-Таше. В составе этих первых религиозных идей были, по его мнению, даже все основные элементы позднейших религий, представляющих собой лишь дальнейшее развитие этих первобытных заблуждений, ложных представлений о человеке и окружающей его действительности. Сюда входят, прежде всего, представления о душе и загробной жизни, изначальный культ зверя и почитание стихии природы — древняя естественная религия, о которой писали классики марксизма-ленинизма. Много внимания уделено в этих работах жизни верхнепалеолитического человека, в том числе самой яркой его стороне—палеолитическому искусству. В них дана резкая критика вульгаризаторского освещения проблем палеолитического искусства и попыток отрицать эстетическое начало в первобытном искусстве.

В работах А. П. Окладникова таким тенденциям противопоставлена принципиальная иная, диалектико-материалистическая трактовка искусства палеолита. Искусство это было внутренне противоречиво. В нем боролись два противоположных начала. С одной стороны, оно выражало реальные достижения человека в области познания мира, в области его трудовой практики. В образах искусства находили свое выражение реальные достижения человека в борьбе с природой. На этой основе вырастает реализм первобытного искусства. С другой стороны,

на палеолитическом искусстве с такой же силой отражались конкретные исторические условия и уровень развития первобытного общества, гнет природы и бессилие человека перед ее стихиями, рождавшие ложные, фантастические представления. Все это нашло выражение в содержании первобытного искусства. Так, например, изображения животных связаны с древней охотничьей магией и культом зверя. Вторая часть произведения палеолитического искусства—изображение женщины—имели своим содержанием те же охотничьи культы и культ плодородия. Влиянием младенческого уровня развития человечества была и техническая слабость палеолитического рисунка: условные схематические рисунки, отсутствие перспективы в нашем смысле слова А. П. Окладников думает, также, что несмотря на конкретную обусловленность палеолитического искусства определенными утилитарными потребностями, т. е. в первую очередь охотничьей магией и культом плодородия в нем были уже эстетическое начало в настоящем смысле этого слова. Оно доставляло древнему человеку эстетическое наслаждение и радость.

Особое место в работах по палеолиту занимает проблема этнографического своеобразия древнейших культур. Во «Всемирной истории» дана наиболее развернутая характеристика своеобразия развития палеолитического человека в разных странах. Кроме двух основных областей палеолита, выделенных Г. Брейлем и П. П. Ефименко и другими исследователями, а также сибирско-монгольской, особо отмечены древние культуры Юго-восточной Азии, Южной Африки и американского континента. Особое внимание уделено, естественно, сибирскому палеолиту.

В Сибири отмечено взаимодействие двух больших культур. Одна из них связана с верхним палеолитом Восточной Европы. К солютрейскому времени по чертам сходства в каменном и костяном инвентаре с солютрейскими памятниками Восточной Европы может быть отнесено поселение у военного госпиталя, на котором были найдены наконечники и ножи солютрейского типа. Традиции этой культуры прослеживаются также в материалах стоянки Верхоленская гора. Мальта и Буреть сближаются с ранним медленом Дона и Украины (Мезин).

С встречным движением восточных племен связано появление в палеолите Прибайкалья рубящих орудий и

скребловидных инструментов из галек, расколотых пополам. Такие скребловидные инструменты и рубящие орудия из галек восходят к палеолиту Юго-Восточной Азии и Китая, где они обнаруживаются уже в пещерах синантропа. Позднепалеолитическая культура Сибири, для которой характерны эти «чоперы», овальные скребла—ножи, а также плоские гарпуны, возникла, очевидно, в результате смешения племен Запада и Востока. В сложении этой культуры принял участие и еще один, третий элемент, на этот раз среднеазиатского происхождения. Об его участии свидетельствуют изделия мустьерских форм—дисковидные нуклеусы и треугольные остриконечники, родину которых следует искать в долине Сыр-Дарьи и соседних с ней областях Казахстана, где распространена уже упоминавшаяся выше мустьерско-леваллуасская культура Средней Азии. Отсюда через Алтай (о чем говорят находки С. И. Руденко в Усть-Канской пещере), еще в самом начале верхнего палеолита среднеазиатские племена проникли на север и на восток и принесли с собой в Сибирь эти мустьерские черты каменных орудий.

Крупные изменения в древнейшей культуре Сибири объясняются, при этом, не только широкими контактами палеолитических культур Востока и Запада, но и глубокими переменами в жизни самих древних обитателей Сибири. Эти изменения затрагивали не только материальную культуру, но и их идеологию. В местах, где они обитали, вымерли мамонты, из них ушли животные тундр и степей.

Глухая тайга покрыла прежде открытые пространства. В этих условиях охотник вынужден был добывать дичь новыми способами. А это означало, что надо было покончить с традициями тысячелетий и идти вперед. Жизнь людей из оседлой превращается в бродячую. Специализируется и совершенствуется охотничий инвентарь, а также приемы охоты. Инвентарь верхнепалеолитических людей этого времени свидетельствует таким образом не об упадке, а напротив, о больших прогрессивных сдвигах в технике обработки камня и в культуре в целом.

Еще более яркую картину рисуют исследования А. П. Окладникова в области неолита. В результате упорных тридцатилетних работ стало возможным дать общую картину неолитических культур от Урала до Тихого океана. Среди исследований по неолиту следует в первую оче-

редь, назвать два больших тома, посвященных неолиту и бронзовому веку Прибайкалья: «Неолит и бронзовый век Прибайкалья»—перед нами как бы монументальное многокрасочное полотно, первая и единственная по широте и полноте охвата, обобщающая монография по неолиту одной из областей СССР, вдобавок, такой большой, как Восточная Сибирь. Это образцовое в методическом смысле исследование, где логически стройно и обоснованно разрабатывается вопрос об относительной и абсолютной хронологии археологических памятников, дается ясная и четкая периодизация культурных этапов прибайкальского неолита.

Большое значение, далеко выходящее за рамки специального исследования имеет, прежде всего, историографический раздел монографии. Как бы скромны не были заслуги предшествующих исследователей древней истории Сибири, всем им, без исключения, отдано должное трудам исследователей XVII—XVIII вв. Н. И. Витковского и М. П. Овчинникова, заложивших основы прибайкальской археологии и кончая любителями, собирателями древностей вроде А. Степанова и архиепископа Нила. О всех этих наших предшественниках говорится с большим уважением и теплотой.

Но дело не только в исчерпывающей полноте историографии. Самое главное заключается в том, что она дана на широком историческом фоне, в связи с идейной борьбой внутри русского общества того времени. В ней воскрешены забытые, но увлекательные страницы прошлого нашей отечественной науки и общественной мысли, мимо которых не раз равнодушно проходили исследователи, занимающиеся историей развития археологической мысли в России. Так, например, ранее принято было считать, что идея о последовательной смене трех великих культурно-исторических этапов каменном, бронзовом и железном веке, о каменном веке как особом и очень длительном периоде в жизни человечества, были распространены в XVII в. только в Западной Европе. У нас же в России эти идеи распространились, будто бы, сравнительно поздно и были заимствованы в готовом виде с запада. Однако, на самом деле оказывается, что памятники каменного века привлекли внимание исследователей Сибири уже в первой половине XVIII века. Каменные орудия упоминаются уже в сочинениях Страленберга и

Д. Г. Мессершмидта. Участники последующих великих сибирских академических экспедиций, Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин в 1733—1743 гг. не просто отмечают древние орудия, изготовленные из камня, бронзы и железа, но по сути дела «в совершенно отчетливой и определенной форме высказывают взгляды, предвосхищающие современную научную систему трех больших периодов в истории человеческой культуры—каменного, бронзового и железного веков». Сделано это было раньше и независимо от Томсена и Гоге, за которыми признана честь окончательного утверждения в науке о древнем человеке трех великих культурно-исторических периодов. Эти успехи русской исторической науки были не случайны. Они были связаны с общим подъемом русской науки, которая продолжала традиции предшествующего ломоносовского времени. Для нее было характерно широкое, комплексное исследование исторических проблем. В частности открытия Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина в значительной мере способствовали блестящие этнографические работы С. К. Крашенинникова на Камчатке.

В дальнейшем эти идеи развивались А. Н. Радищевым и М. М. Геденштромом. Таким образом, это «важнейшее для истории первобытной культуры открытие, которое до сих пор приписывалось Томсену, по крайней мере трижды было сделано до него в России: в первой половине 18 в.—участниками камчатской экспедиции, в конце этого века — Радищевым и, наконец, в начале 30-х годов XIX в.—Геденштромом, и все три раза в далекой Сибири».¹

Далее, в книге дается исчерпывающая, насыщенная большим фактическим материалом характеристика основных этапов истории лесных охотников и рыболовов Прибайкалья, которые прошли в своем культурном развитии четыре этапа.

Первая стадия прибайкальского неолита названа Хиньской, по одному из погребений, найденному в пади Хиньской ниже села Буреть. Для этого этапа характерны своеобразные наконечники стрел, изготовленные из пластин. Замечательно, что на этой начальной стадии неолита, когда все здесь еще дышит глубокой древностью, культура прибайкальских племен продолжает,

¹ Книга Томсена вышла в свет в 1836 г.

как и в палеолите, сохранять широкие связи с культурами соседних территорий, иногда удаленных на значительные расстояния. Особенно ярким показателем таких связей являются наконечники стрел. Они распространены довольно широко вне таежных районов Сибири: в Забайкалье в Селенгинско-Чикойском районе, в бассейне Онона и Ингоды, в долине Амура (Ананци, Дунбэй) и Шилки на востоке; в нижнем Поволжье и Средней Азии (кельтеминарская культура, Красноводский полуостров, Джебел) на западе. Именно из этих районов от подвижных степных охотников-собирателей и распространились раньше изобретенный здесь лук и стрелы к таежным племенам.

Хиньской этап в IV тыс. до н. э. сменяется новым этапом, исаковским. Это уже настоящий зрелый неолит. Для него характерны остродонные сосуды с отпечатками на поверхности сетки-плетенки, типичным неолитическими наконечниками стрел и крупные тесла.

В исаковское время уже существуют немногочисленные общины охотников, объединенные прочными родовыми узами. Об этом свидетельствует наличие небольших кладбищ, где, по всем признакам, хоронили людей, объединенных общностью происхождения, родством. В это же время сложился в основных его чертах и погребальный ритуал, а также связанные с ним сложные представления об окружающем мире, о жизни и смерти, о загробном мире. Неолитические племена Прибайкалья на этом этапе немногочисленны. Памятники, оставленные исаковцами, редки и разбросаны на большом расстоянии. Но уже была освоена вся долина Ангары от Байкала до Братска.

Крупный прогрессивный перелом наступает на следующем серовском этапе (III тыс. до н. э.). Теперь появляются новые орудия, обслуживающие усложненное хозяйство серовцев. Тесла из грубых, обработанных не целиком, а только частично, ассиметричных в поперечном сечении, превращаются в изящные, геометрически правильные плоские орудия. Кремнистый сланец начинает вытесняться исключительно прочным нефритом. Но самым крупным достижением серовцев является изобретение первого и единственного в мире в это время усиленного лука, изготовленного из дерева и костяных пластинок. Появление такого лука на Ангаре и Лене в

III тыс. до н. э. не случайно. Оно является закономерным результатом развития всей жизни и культуры неолитических охотников тайги.

Кроме охоты важное место в хозяйственной жизни начинает занимать рыболовство. Появляются первые рыболовные крючки, вырезанные из кости, костяные гарпуны, рыболовная сеть и каменные рыбки-приманки для подледного лова рыбы.

Заслуга А. П. Окладникова заключается не только в том, что им на основе широкого привлечения этнографического материала были детально исследованы хозяйство и производственная жизнь древних людей Прибайкалья. Им сделано и другое, несравненно более трудное дело — восстановлен, насколько это позволили наличные данные, общественный строй и духовная культура неолитического населения Прибайкалья. Люди эти, в живом, ярком, с подъемом написанном разделе книги предстают перед читателем как живые. Так, вероятно описал бы их жизнь этнограф, который наблюдал бы эту жизнь непосредственно на поселениях, у костра, где они готовили пищу, на охоте и рыбной ловле, у родовых святилищ, где совершались таинственные обряды. Недаром эти страницы книги известный венский историк К. Йетмар назвал «подлинно вдохновенными».

Производственная жизнь неолитических обитателей была построена на коллективных началах с равенством всех членов рода. Отражением такого равенства являются погребения серовцев, в которых независимо от пола и возраста погребенных всегда наблюдается один и тот же стандартный набор вещей, обслуживающий потребности лесного охотника и рыболова.

В серовское время у прибайкальских племен существовал зрелый матриархально-родовой строй. Женщина в нем занимает самостоятельное и почетное место — она не только управляет по хозяйству в доме, но и на равных правах с мужчиной охотится и делит с ними в тайге опасности суровой таежной жизни. Открытие матриархата у племен тайги в каменном веке важная заслуга А. П. Окладникова. Это еще одно высокое доказательство всеобщности смены и последовательности этапов первобытно-общинного строя.

С такой же наглядностью в книгах А. П. Окладникова раскрыт также мир мыслей, представлений и чувств,

которые волновали первобытного человека. Для анализа этой увлекательной части культуры древних использовано все, что давали погребения и поселения серовского времени. Здесь мы видим, например, простые грушевидные бусы из клыков марала, которые кроме чисто эстетических целей, служили также амулетами и были связаны с магическими представлениями. Здесь использованы также ничем не примечательные, на первый взгляд, параллельные насечки, ритмически повторяющиеся на костяных шильях. Этот наиболее древний и первобытный орнамент, как выяснилось, по стилю и композиции можно увязать с линейнополосчатым орнаментом из оленьего волоса, украшающим кафтаны, шапки, шаманские принадлежности народов Севера. Он отражает сложный комплекс представлений о первобытных в своей основе верований о душе человека и животного, об олене как сверхестественном существе, а через него солярный культ и верхний мир. Изображения рыб из камня также не всегда преследовали только утилитарные цели. Они в ряде случаев, связанные представлениями древнего человека о нижнем мире, о «стране мертвых».

Сложные космогонические представления и древний культ зверя связаны были в свою очередь с наскальными рисунками-писаницами, в которых раскрывается сложное мировоззрение древних людей и их искусств.

Для того, чтобы понять все это, был привлечен огромный сравнительный этнографический и лингвистический материал. Сделано это с большим мастерством, искусством, с неотразимой логикой доказательств.

Основным объектом рисунков в неолите становится лось и не случайно, так как именно с ним из-за его большой роли в жизни древних охотников связаны их культовые представления и обряды. Почитанием пользовался прежде всего реальный, земной лось, охота на которого и последующее поедание сопровождалось сложным комплексом определенных правил, связанными плясками и обрядами. Кости лося после еды не выбрасывались, а тщательно укладывались на очажные камни или специальные помосты и предохранялись от осквернения. В основе всего этого лежала боязнь, что нарушение выработанных тысячелетиями обрядов грозит самым страшным в жизни лесного охотника—исчезновением зверя и голодом.

За отдельным конкретным лосем, стоял еще более сложный мир идей и представлений, относящихся ко всему лосиному роду. В образе лося охотник каменного века представлял окружающий его мир: землю, на которой он жил, страшный нижний мир, страну мертвых, где лось принимал образ подземного чудовища. И наконец, в образе лося мыслился «верхний мир», а заодно с ним, солнце, звезды, созвездия, млечный путь, радуга, гром.

С представлением о небесном космическом лосе связаны мифы о космическом звере-солнце и о таком же космическом охотнике, который его преследует.

Таким образом, изображение лося на скалистых обрывах Ангары и Лены представляет собой не только магические рисунки, способствующие удачной охоте и размножению лосей. Они отражали также общие представления первобытных людей Прибайкалья о вселенной.

Вторая сторона культа лося раскрывается в почитании священных гор и скал, которые считались овеществленными божествами — зверями — прародителями. Около них совершались родовые обряды, танцы и церемонии. Целью этих обрядов было стремление наполнить тайгу жизнью.

Рассматривая этнографические данные, позволяющие полнее понять древний культ лося, исследователь с особым вниманием останавливается на одной важной детали, рисующей отношение первобытных людей к зверю. Древний охотник переносил реальные родоплеменные отношения между двумя родственными экзогамными группами, обменивающимися между собой женами и мужьями, на мир зверей. Взаимодействие между охотником и зверем представлялось в его сознании как конкретное соглашение между мужем и женой, как представителями двух родов. С этими представлениями связана легенда о духе-хозяйке леса, в брак с которой вступает охотник.

Не менее полно и глубоко освещены в связи с погребальным ритуалом каменного века сложные представления серовцев о душе и загробной жизни. Угольки и очаги в могилах рассказывают о вере в особую силу огня как очистителя и помощника человека на том свете. Не случайно и то, что умершего клали головой на восток. Судьба мертвых связывалась с судьбой солнца, которое «рождается» на востоке и «умирает» на западе, чтобы вновь родиться утром следующего дня. Тот же путь про-

делывали по представлениям серовцев и умершие, которые должны были снова родиться. Смерть не была таким образом отделена непроходимой гранью от жизни.

Следующий, китойский этап прибайкальского неолита (вторая половина III тыс. до н. э.) характеризуется прежде всего изменением погребальной обрядности (обычай засыпать умерших красной краской), дальнейшими сдвигами в технике изготовления каменных орудий (вместо сланца широко начал применяться нефрит) и переходом в хозяйстве от преобладания охоты к рыболовству. Осваиваются местные залежи нефрита, усиливаются связи с соседними племенами. Намечаются также первые сдвиги в общественных отношениях. Начинается переход от матриархально-родового общества к патриархальному. Появляются яркие признаки общественного неравенства.

Отдельная монография посвящена началу эпохи бронзы в Прибайкалье—глазковскому времени (II тыс. до н. э.). В то время у лесных охотников и рыболовов впервые появился металл—медь и бронза. Возрастает роль рыболовства. Увеличивается в числе и совершенствуются гарпуны, появляются остроги, продолжают употребляться наряду с новыми металлическими рыболовными крючками составные, из камня и кости, но уже нового типа.

Имущественное неравенство, первые признаки которого появляются впервые в китойское время, продолжает усиливаться. Несмотря на отсутствие земледелия и скотоводства возникают явные признаки патриархально-родовых отношений и имущественного неравенства.

Открытие этих явлений, доказывающих всеобщность последовательности развития родовой организации от матриархальной к патриархальной в различных исторических условиях и при различных формах хозяйства — крупная заслуга А. П. Окладникова.

В связи с этими коренными изменениями в глазковском обществе изменяются и религиозные верования. В искусстве вместо изображений зверей начинают преобладать антропоморфные изображения. Это шаманские или семейные духи-покровители. Укрепляются основы нового семейного культа предков, который закономерно вырастает на почве становления и укрепления патриархально-родовых отношений. Претерпевает изменение и погребальный ритуал. Теперь погребенный кладется головой не к солнцу, а вниз или вверх по реке. Это связано с новыми

представлениями о судьбе умерших и о путешествии их в загробный мир по реке мертвых, с идеей о существовании мрачного подземного мира.

Так в религиозной фантастике отразилась победа нового патриархального строя над матриархальным.

Наряду с этим продолжает существовать также культ солнца и неба, почитание светлого солнечного начала. Отражением этого культа являются нефритовые диски и кольца. Появляются, наконец и шаманы. Они создали сложную обрядность, свою культовую одежду, разработали шаманские мифы и легенды, молитвы и заклинания.

В глазковское время усиливаются культурные, а возможно и этнические связи Прибайкалья с Забайкальем верховьями Шилки и Амура, а также северо-восточным Китаем, Приморьем и Северной Кореей.

Глазковский этап сменяется шиверским. Это начальное время развитой бронзы.

Неолитическая культура Прибайкалья соприкасалась на севере с другой среднеленской неолитической культурой. Родственная к прибайкальской, она отличалась рядом особенностей. Здесь в частности распространены были плечиковые топоры особого якутского типа. Отлична была по орнаменту керамика, другими были и отдельные мелкие каменные орудия.

Еще дальше на север ниже устья реки Алдана, в низовьях Лены, на Колыме и в глубине Чукотского полуострова жили рыболовы и бродячие охотники на северного оленя, культура которых прошла в своем развитии два особых этапа. Культура этих арктических племен замечательна не только тем, что она принадлежала самым северным племенам Азии того времени, но и тем, что она обнаруживает связи с так называемой палеоэскимосской культурой Аляски, Канады и даже Гренландии.

К западу от Енисея была область, где издавна сказывались влияния уральских или даже зауральских племен.

Культура этих племен была родственна культуре обитателей Приуралья, Центральной России и даже Прибалтики.

Целый новый мир представляет собой, как показал А. П. Окладников, неолитические культуры Дальнего Востока: Амура, Приморья, Сахалина.

Неолитические культуры Дальнего Востока находились издавна в тесных, интимных связях с соседней Ко-

реей, Китаем (Дунбэем) и в значительной мере даже с японскими островами.

Чтобы полнее понять этот новый мир А. П. Окладников вплотную занялся изучением его соседей, в том числе Японией. Еще в 1946 году вышла в свет работа о древнейшем населении Японских островов и его культуре, которая до сих пор не утратила своего значения. В этой работе была дана сжатая, но исчерпывающая сводка развития неолитической культуры Японии, охарактеризована жизнь ее древнейших обитателей и происходившие в ней перемены. Намечены были также основные черты этнической истории Японских островов, дана критика реакционной концепции в этой области.

После поездки в Японию и новых открытий в Приморье интерес к древним культурам усилился еще больше. Одной из таких проблем явился вопрос о докерамических культурах Дальнего Востока, о том, что здесь соответствует неолиту и мезолиту. В статье о древнейших культурах Японских островов речь идет о новых находках в Японии, которые И. Марингер, а также ряд японских археологов считает палеолитическими или мезолитическими. Последними раскопками в Приморье в свою очередь выявлены древние по типу вещи, предшествующие неолитическому времени (Осиновка). Предметы эти найдены в древнейших поселениях Японии, имеют вид, отличный от палеолитических орудий. Они изготовлены из целых галек и напоминают так называемые чопперы юго-восточной Азии. Не меньший интерес для исследователей культур Северной Азии представляют новые находки культуры пластин на острове Хоккайдо, самого северного из больших островов Японии. Для этой культуры на позднем ее этапе характерны пластинчатые наконечники стрел с легкой подправкой на краю. Очень близкие по типу наконечники стрел широко распространены на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Это так называемые даурские наконечники стрел. Новые находки показывают, таким образом, что неолитические культуры севера Японии были связаны с древнейшими культурами Приамурья и Забайкалья.

Намечая контуры распространения локальных культур, исследователь неизбежно пришел к вопросу об отношении этих древних этнических групп к современным народам Сибири и Дальнего Востока. Кто были носители

этих древних культур и где находятся их потомки?

Еще в 30-х годах были обнаружены в могилах глазковского времени остатки того костюма, который издавна считался национальным костюмом тунгусских племен: передник, соответствующий тунгусскому «фраку», о котором писали старинные авторы, а также тунгусская шапочка, украшенная нефритовыми кольцами и бусами. Тогда же были найдены и другие соответствия в материальной культуре глазковцев и позднейшей этнографической культуры тунгусов: берестяные лодки, рыбки-приманки для подледного лова рыбы, орнамента и стиль скульптурных изображений, а также мифология. Все это дало основание высказать предположение, что родина тунгусских племен находится в Прибайкалье, где тысячелетиями развивалась культура их древних предков.

Севернее, в Якутии, должны были жить предки юкагиров. К западу от Енисея простиралась область издавна заселенная предками племен финно-угров, конкретно самоедами, осколки которых, как известно, еще в XVIII в. жили в Саянских горах и знали свой родной язык.

Дальний Восток был областью, где формировались предки прежде всего палеоазиатских племен, потомками которых являются в первую очередь гилияки, о чем свидетельствует сохранившийся у них орнамент в виде плетенки и спирали. Здесь же, в соседнем Дунбэе была, очевидно, родина манчжурских племен. Отдельно выступает проблема происхождения эскимосов и их культур. Сходство так называемый неэскимосской культуры с культурой раковинных куч Приморья (шлифованные орудия из шифера, поворотный гарпун, полуподземные жилища, миф о браке женщины-прародительницы с собакой, общий у эскимосов с племенами Китая) дает право искать истоки эскимосской культуры не на севере и в Америке, как обычно принято считать, а на Дальнем Востоке или еще дальше на далеком юго-востоке Азии.

Целый комплекс важных и сложных проблем освещен в работах по древней истории Якутии. В трех выпусках «Ленских древностей» собран был обширный новый материал по археологическим памятникам долины Лены. Он послужил фундаментом для обобщающего труда о прошлом Якутии до присоединения к русскому государству. В этой работе на широком историческом фоне было показано прошлое древних племен и народов Якутии в камен-

ном веке, охарактеризована ранее неизвестная в долине Лены культура эпохи бронзы. Всесторонне, на новых данных, в том числе языках и фольклора освещена проблема происхождения и ранней истории якутского народа. Это исследование явилось крупным вкладом в якутиеведение. Оно по праву занимает в нем почетное место рядом с работами О. Бетлинга, В. В. Радлова, С. С. Серошевского, Э. К. Пекарского и С. А. Токарева.

В сущности говоря, это первое и единственное пока марксистское исследование, написанное на данных различных дисциплин, в котором по-новому показано прошлое северных племен и народов. Центральная идея этого труда заключается в том, что исторический путь, пройденный северными племенами и народами, имеет всемирно-исторический интерес и значение. А. П. Окладников показывает, что эти племена издавна проходили своеобразный путь развития, что они внесли собственный оригинальный вклад в общечеловеческую культуру. Разделяя взгляды таких своих предшественников, как А. Н. Радищев, В. Н. Богораз, А. Ф. Миддендорф, Ф. Нансен, он раскрывает подлинный ход истории севера.

Народам севера принадлежит прежде всего заслуга первоначального заселения и освоения суровых северных пространств. Первые обитатели севера пришли сюда еще в древнем каменном веке. Ленские палеолитические поселения являются в настоящее время самыми северными и восточными памятниками палеолита на земном шаре. Со временем потомки этих первых палеолитических обитателей ушли еще дальше в глубь северных пространств вплотную до берегов Ледовитого и Тихого океанов.

За палеолитом в Якутии следует неолит. Неолитическая культура на значительной части Севера—в бассейне р. Лены, как и в других местах земного шара, сменяется бронзой, за которой со временем и гораздо раньше чем можно было думать начинается железный век.

Большое внимание в книге уделено культурным связям древних племен Севера с культурами других стран, в первую очередь Западной Сибири, Урала, Европейской части СССР, северных районов Западной Европы, а также Китая. Если первые связи Запада и Востока начинаются еще в процессе первоначального освоения человеком Сибири, в палеолите, то не менее интересные факты отмечаются и в неолите. Таковы, например, пластинчатые на-

конечники стрел с черешком и трехгранные наконечники стрел в виде «напильника». Они известны в мегалитических могилах с ходами и в так называемых одиночных захоронениях Скандинавии с одной стороны, в неолите Якутии и Колымы, с другой. Что это сходство не случайно подтверждается поразительной близостью наскальных росписей Якутии к красочным изображениям Скандинавии. Можно, следовательно, говорить не только о простом культурном взаимодействии этих районов, удаленных друг от друга на огромные расстояния, но и о прямом проникновении части западных племен на восток, а также этическом родстве.

Не меньший интерес представляет распространение так называемой шахматно-шашечной керамики эпохи неолита и ранней бронзы. Свое начало эта керамика имеет в архаическом Китае эпохи Яншао и Инь. Оттуда такая техника изготовления посуды распространяется в долину Амура и переходит дальше на север вплоть до берегов Берингова пролива и еще дальше в Америку.

Связи с соседними странами еще больше усиливаются в эпоху бронзы. В бронзовом веке племена Якутии пользовались при отливке готовыми образцами в виде бронзовых орудий, изготовленных древне-китайскими литейщиками. Это были ножи, копья и кельты с типично иньским орнаментом в виде треугольников и кружков, которые являются упрощенной передачей иньских цикад и масок чудовищ тао-тье.

Особое место в этой книге занимают проблемы ранней истории якутского народа. Широко привлекая данные языка, фольклора и этнографии, автор с полной наглядностью раскрывает черты древней культуры предков якутского народа, обитавших на юге. Предки якутов занимались скотоводством. Они знакомы были также с земледелием. Вся их культура выразительно свидетельствует о былой тесной связи с древними тюрками и отчасти монгольскими народами Азии. Обитая на юге, эти далекие предки якутов достигли задолго до переселения на среднюю Лену высокого уровня в развитии культуры. Они знакомы были с шелком, золотом и имели превосходное по тем временам боевое вооружение. На древней своей родине они поднялись до той степени, когда внутри патриархально-родового строя возникают зачатки феодальных отношений. Наиболее драгоценным состоянием

древних якутов был их эпос, составляющий неразрывную часть эпоса степных племен центральной Азии и южной Сибири. Рассматривая вопрос о родине якутских племен, автор подробно исследует данные о древних тюрских племенах курыканах, обитавших на Ангаре и Верхней Лене в VI—VIII вв. Курыканы, народ хорошо известный древним китайцам и орхонским тюркам, были по его мнению, ближайшими предками якутов с одной стороны, и бурят, с другой стороны. Затем в связи с вопросом о переселении якутов на Среднюю Лену описываются неизвестные ранее памятники культуры древних скотоводов, лесных тюрков на Лене ниже Жигалово. В этих местах, покрытых вековой тайгой, где невозможно было ожидать наличия скотоводства, были неожиданно открыты следы жизни в наше время, с оттисками XVII в, исследователи этих скотоводов, предков якутов, на Лену и выяснить их раннюю историю на новой родине помог якутский фольклор. Исторические предания якутов отличаются удивительной точностью и полнотой. Сравнивая легенды, записанные в наше время, с оттисками XVII в, исследователи удивлялись совпадению между ними в передаче реальных исторических событий, происходивших на Лене 200 и даже 300 лет тому назад. Якутские старцы, знатоки преданий, говорили о людях и событиях XVII в, так ясно и так детально, как будто они видели это собственными глазами. Тем большую ценность имеют предания, записанные более 200 лет назад, Яковом Линденау, в которых излагается ранняя история якутских племен. Исходя из записей Линденау и сравнивая их с другими фольклорными источниками, А. П. Окладников впервые дал живую и наглядную картину истории якутов после их прихода на Лену.

Центральное место в этой истории занимают события, связанные с именем Тыгына. Тыгын якутских легенд был реальной исторической личностью, но он не был ни якутским царем, как говорили некоторые исследователи, ни разбойником—тойоном, как говорили другие. Личность и судьба Тыгына неразрывно связаны с общественным строем якутского народа перед приходом русских и с тем этапом исторического развития, на котором в это время стояли якуты. Тыгын в записях Линденау — глава господствующего рода, Тойон-уга, или вернее господствующей семьи самого влиятельного рода среди якутов, Кан-

гласского племени. Он стремится восстановить единство и могущество бывшего племенного союза, объединяющего якутские племена. Но якутов стало настолько много и они расселились настолько широко, что рамки племенного союза уже не соответствуют новому времени. Старые патриархальные связи рвутся. Тыгын ведет жестокую кровопролитную войну со своим собственным народом. Борьба эта приносит бесчисленные страдания якутскому народу. Дорогой ценой приходит Тыгын к поставленной цели, но дело, за которое он боролся было обречено и успех Тыгына оказался временным. Ему не удалось восстановить распавшийся племенной союз. В самом конце жизни Тыгына, говорят предания, история Якутии вступает в новую фазу. На Средней Лене впервые появляются русские. Как думает А. П. Окладников, это был знаменитый землепроходец Пенда, который вместе со своими товарищами совершил головокружительное по тем временам путешествие. Это был тот самый Пенда, о котором позже его земляки мангазейцы рассказывали Гмелину, что он совершил такой необыкновенный полный опасности поход в неизведанные края не из-за простой выгоды, а «из желания имя свое на веки прославить в памяти потомков».

Таким образом история Якутии и вообще история Севера Азии доведена в этом труде до того переломного момента, когда Якутия входит в состав Русского государства.

Не меньше внимания было уделено А. П. Окладниковым и прошлому бурятского народа, во многих отношениях связанного с историей якутов. Изучая древности Забайкалья, а также соседнего с ним Прибайкалья А. П. Окладников обнаружил и исследовал много памятников палеолита и неолита, в том числе в первую в Забайкалье палеолитическую стоянку с фауной в Ошурково, раскопал неолитическую стоянку около деревни Нижняя Березовка, исследовал известный Фофановский могильник с многочисленными погребениями эпохи неолита и ранней бронзы, открыл своеобразные поселения эпохи ранней бронзы, исследовал десятки плиточных могил и, наконец, произвел раскопки погребений железного века. Все это, вместе с данными предшествующих исследований Ю. Д. Талько-Грынцевича, Г. Ф. Дебеца и Г. П. Сосновского, позволило дать законченную и целостную ха-

рактеристику прошлого Бурят-Монголии до прихода русских в 1 томе Истории Бурят-Монгольской АССР.

Изучение памятников бронзового века привело к ряду важных открытий. Во-первых, оказалось, что культура бронзового века, культура плиточных могил тесно связана с древним Китаем. В плиточных могилах уцелели обломки глиняных сосудов древнекитайского типа триподов, ли. Такие сосуды, которые считаются символом древнекитайской цивилизации, известны только в Китае и за Байкалом. Нигде в других местах Сибири, в том числе в Минусинской котловине, они неизвестны. Второй важный факт заключается в том, что число памятников бронзового века было резко расширено наскальными изображениями, писаницами. Сопоставлением наскальных рисунков Забайкалья с изображениями людей и животных на оленных камнях и бронзовых изделиях, удалось прочно датировать писаницы бронзовым веком. Совершенно неожиданным оказался другой вывод, касающийся писаниц. Изображения птиц на них полностью совпали с древним бурятским орнаментом, сохранившимся на острове Ольхоне на Байкале, где он изображает священную птицу, хозяина Ольхона-орла. У ольхонских бурят этот орнамент носит название Ихти-шубун. Так называли буряты орла, избегая произносить его собственно запретное имя. Оказалось, таким образом, что буряты и их культура связаны с древнейшей культурой забайкальских племен бронзового века.

Еще ближе к решению проблемы о происхождении бурят привело изучение могильника железного века около улуса Сэгенут на Верхней Лене, вблизи устья реки Манзурки. В сэгенутском могильнике лежали кости, погребенные в гробах-колодах. Детей хоронили в специальных ящиках, связанных по степному обычаю ремешками, а не сбитых гвоздями. Тут же были найдены круглодонные глиняные сосуды и железные, типично монгольские ножницы для стрижки овец. Это могильник, датированный XI в н. э., принадлежал, очевидно, первым монгольским переселенцам, ближайшим родичам древних монголов Чингис-хана. Они пришли сюда, должно быть, еще в 30-х годах XI в до возвышения Чингис-хана в связи с бурными событиями, вызывавшими переселение ряда племен из степей Монголии на Запад.

Дальнейшие события истории бурят и их жизни перед

приходом русских изложены в специальной монографии «Очерки по истории западных бурят-монголов в XVII в».

В заключение следует вернуться к работам А. П. Окладникова по древнейшей истории Средней Азии. Многолетние исследования в Туркмении, Узбекистане и Киргизии впервые позволили с большой ясностью представить это начальное время в истории народов Средней Азии. Исследованиями на Красноводском полуострове, в долине Сыр-Дарьи и Вахша, а также на Тянь-Шане было установлено, что Средняя Азия была заселена человеком уже в конце нижнего палеолита.

В мустьерское время первобытные люди заселяли огромные пространства как в равнинах, так и горных областях. Характерной особенностью среднепалеолитических памятников Средней Азии является наличие здесь так называемой леваллуаской техники, в результате применения которой получились длинные и правильные пластины, пригодные для выделывания орудий весьма совершенных форм, в первую очередь остроконечников и ножей. Общему прогрессивному характеру материальной культуры мустьерского времени соответствуют и прогрессивные черты в строении неандертальцев, о чем свидетельствуют наблюдения Бунака над черепом мальчика из Тешик-Таша. Отсюда следует, что Средняя Азия была одним из важных очагов, где происходил процесс перехода от древнего формирующегося человека к человеку современного типа. Новым подтверждением этого вывода явились раскопки в Ходжикенте, где вместе с дисковидными нуклеусами были найдены нуклеусы близкие призматическим и крупные пластины с дугообразно затесанным краем типа ориньякских острий шатель-перрон, характерных для самого начала верхнего палеолита в Западной Европе.

За мустьерским временем следуют памятники верхнего палеолита в Туркмении (мастерские на Красноводском полуострове и в Таджикистане, стоянка у родника Хаджи-гор в долине реки Исфары). Эти памятники интересны тем, что уже в них обнаруживаются те черты, которые характерны для каспийских культур юга: крутая затупливающая ретушь, острия с затупленным краем, скребки специфических форм.

К следующему этапу относится расцвет микролитической техники, время распространения миниатюрных изде-

лий геометрических форм в виде сегментов, трапеций и треугольников. Раскопки в пещере Джебел, как уже говорилось выше, показали процесс дальнейшей эволюции культуры, в которой сначала появляется древнейшая керамика, а затем типично неолитические двусторонне ретушированные наконечники стрел. Раскопки в Бульоне в 1957 г. (Южный Таджикистан) дали вместе с тем и первые шлифованные каменные топоры Средней Азии неолитического времени. Это время неолитической так называемой гиссарской культуры — древнейших земледельцев и скотоводов Таджикистана. Результаты всех этих исследований не только отражены в многочисленных специальных статьях, но вошли также в написанные А. П. Окладниковым первые главы истории Туркмении, Киргизии и Таджикистана.

Исследования, о которых рассказано выше, широко известны не только в СССР, но и за рубежом. Результатами их постоянно пользуются ученые многих стран.

Еще в 1939 году его работы привлекли внимание одного из крупнейших антропологов нашего времени и большого друга Советского Союза Алеша Хрдлички. Хрдличка с восхищением приветствовал находку в Тешик-Таше, новое выдающееся открытие в области изучения древнейшего человека. Вскоре после этого (в 1939 г.) в американском журнале «Азия» была опубликована на английском языке большая статья А. П. Окладникова о неандертальском человеке и его культуре в Средней Азии. Известие о находках в Тешик-Таше и о новых раскопках неолитических погребений на Ангаре заставили Хрдличку в возрасте уже около 80-ти лет пересечь океан. После посещения Москвы и Ленинграда он предпринял также новое путешествие в Сибирь, второе в последнее в его жизни. В 1939 г. он приехал в Иркутск и участвовал в раскопках около Бурети. Увидев скелет женщины и маленького ребенка при нем, он сказал, что у северо-американских индейцев точно также хоронили грудных детей с матерью, в том случае, если у покойной не было сестры, которая могла бы кормить своим молоком младенца. Он очень обрадовал хозяйку дома, где остановилась экспедиция, когда сказал, что у нее живет много ласточек и это хороший признак, потому что у него на родине в Чехии, по словам народа, ласточки живут только у хороших людей.

Вернувшись домой в то время, когда начиналась вто-

рая мировая война, А. Хрдличка не раз высказывался в печати как друг Советского Союза и тепло вспоминал о своем пребывании в Сибири.

Исследования А. П. Окладникова по неолиту Прибайкалья вдохновили ученика А. Хрдлички Г. Коллинза на работу, где он выдвинул новую гипотезу о том, что древняя эскимосская культура развивалась на основе Прибайкальского неолита, который имел в свою очередь генетическую связь с палеолитом и неолитом Евразии.

С тех пор исследования А. П. Окладникова в Сибири и Средней Азии все больше и больше привлекают внимание американских ученых, которых всегда волновала проблема происхождения древнейшей американской культуры каменного века и проблема связи ее с древними культурами Азии. В США в этом году вышла в свет монография Генри Майкла «Неолитическое время в Восточной Сибири», основанная на книгах А. П. Окладникова «Неолит и бронзовый век Прибайкалья», «Ленские древности» и «История Якутии». В ней изложены результаты многочисленных работ А. П. Окладникова в Прибайкалье и Якутии. Ряд подробных обзоров исследований А. П. Окладникова по археологии Сибири опубликовал американский исследователь Честер Чард. Ему принадлежит также новейшая сводка по каменному веку Сибири «Очерки предистории Сибири», в которой широко использованы работы А. П. Окладникова. Большую рецензию, написанную в дружественном духе по поводу «Неолита и бронзового века Прибайкалья» опубликовал в «Американских древностях» Петер Толстой. В ней призвано, что этот труд является крупнейшим исследованием по древней истории Сибири. Американские исследователи с особым вниманием останавливались при этом на вопросе о совпадениях древних культур Сибири и Америки, а также возможных связях древних племен Старого и Нового Света.

В Америке опубликован также почти полный перевод с комментариями исследования о Тешик-Таше, изданный видным американским специалистом по палеолиту профессором Х. Мовиусом. Он опубликовал также специальную обзорную статью об открытиях А. П. Окладникова палеолитических местонахождений в Туркмении и Узбекистане.

Можно без преувеличения сказать, что одним из са-

мых популярных археологов СССР в Америке является А. П. Окладников. В одном из новейших капитальных справочников, в котором обобщается состояние антропологии этнографии и археологии, особо подчеркиваются достижения советской археологической науки и в качестве примера вместе с работами академика Б. А. Рыбакова и члена-корреспондента АН СССР С. П. Толстова указаны труды А. П. Окладникова «Неолит и бронзовый век Прибайкалья», а также «История Якутии».

А. П. Окладников дважды выступал в Копенгагене с итоговыми докладами на международных встречах ученых. В 1956 году он выступил на конгрессе американистов с докладом о древних культурах и этнических отношениях на Дальнем Востоке. Доклад этот, изданный в трудах конгресса, привлек живое внимание всех участников. В нарушение всех правил обычной процедуры обсуждения всех докладов по предложению американского исследователя Г. Коллинза было созвано специальное заседание для обсуждения вопросов, поднятых в докладе.

В 1958 году А. П. Окладников в составе советской делегации вновь побывал в Копенгагене на циркумполярной конференции, созванной Датским национальным музеем, где им был снова прочитан доклад об археологических исследованиях и их перспективах в Советской Арктике, в том числе о новых работах на Чукотском полуострове, имеющих ближайшее отношение к проблеме заселения американского континента и культурных связей между старым и новым светом.

А. П. Окладников находился в составе научных делегаций в Египте и Японии. В двух лекциях для профессоров и студентов Токийского и Киотосского университетов он сообщил о результатах новейших археологических исследований в Сибири и Дальнем Востоке, уделив особое внимание культурным связям между древними племенами Кореи, Китая, Японии, с одной стороны, и Советского Дальнего Востока, с другой. Доклады вызвали большой интерес японских ученых, а студенты бурно аплодировали, когда слышали, что А. П. Окладников «сибиряку», т. е. родом сибиряк. После этих выступлений японский археолог Ехеи Кайяма писал в статье «Достижения профессора А. П. Окладникова», что он обладает всеми чертами русского человека и пользуется расположением многих людей.

Японский историк и археолог Т. Миками, широко известный своими основополагающими работами по древнейшим культурам и истории народов Восточной Азии, писал в письме автору настоящего очерка: «Блестящая лекция профессора Окладникова А. П. в Японии произвела очень глубокое впечатление и вдохновила многих японских археологов и историков, потому что он удовлетворил в большой степени наше стремление знать ваши археологические работы и ваше мнение о культурных взаимоотношениях между Востоком и Западом».

Живые научные интересы связывают А. П. Окладникова с учеными различных стран — с Мобергом и Беккером в Швеции, Г. Ессингом в Норвегии, П. Глобом, Биркет-Смитом, Х. Ларсеном, К. Айгилем и другими в Дании, Г. Банди в Швейцарии, К. Иетмаром в Австрии, Т. Миками, М. Ока, К. Мицзуно, Н. Эгами, И. Марингером в Японии, Г. Коллинзом, Ч. Чардом, Г. Майклом, Х. Мивиусом в США, с чешскими, болгарскими, венгерскими, польскими и корейскими учеными.

В глазах этих ученых А. П. Окладников самый авторитетный знаток древнейших культур Северной Азии, исследователь, который больше всего сделал для изучения древнейшего прошлого этой страны за последние 30 лет. Им выполнена громадная, трудно постижимая по объему работа. Широким признанием пользуются его работы и у нас в стране.

А. П. Окладников щедро делится своими знаниями и опытом со всеми кто хочет этого. Ему принадлежат многочисленные научно-популярные статьи, написанные живым, образным языком. Его ученики работают в Ленинграде, Иркутске, Улан-Удэ, Владивостоке, Сталинабаде, Фергане, Ташкенте, Алма-Ата, Якутске, Магадане и на Чукотке. Они продолжают работу, начатую А. П. Окладниковым и развивают дальше его идеи.

Конечно, в этом кратком очерке сказано не все, что касается кипучей многогранной деятельности А. П. Окладникова. Но и сказанного достаточно, чтобы составить общее представление о А. П. Окладникове, как о настоящем советском ученом, все научное творчество которого принадлежит нашему народу. Эта деятельность хороший пример для молодых ученых сибиряков.

А. П. Окладников открыл неизвестный раньше палеолит Средней Азии и заложил основы изучения всего ка-

менного века этой страны, построил общую периодизацию каменного века Сибири, монографически исследовал и описал неолит и бронзу Прибайкалья, впервые дал обобщающую картину древнейшего прошлого Якутии и Дальнего Востока на основе собственных исследований, создал большие обобщающие труды по истории якутского и бурятского народов.

Но и этого ему все еще мало. Им владеет безграничная неутолимая жажда знать, видеть, понять все новое и неизведанное. И не случайно, начав с окрестностей маленькой, затерянной в тайге деревни, он с каждым годом осваивал все новые и более широкие пространства, а вместе с тем все глубже проникал в прошлое человечества. Не случайно и то, что он выбрал для своих исследований именно Азию, величайший и, пожалуй, меньше всего изученный из континентов земли. Ему мало стало, наконец, и Азии. В круг его исследований вышел и новый свет — Америка, проблема заселения которой и связей с азиатским материком стала проблемой его новейших исследований на крайнем северо-востоке Азии и на Дальнем Востоке.

СПИСОК

печатных научных работ А. П. Окладникова по археологии и истории

1. Неолитические стоянки на Верхней Лене. Краеведение в Иркутской губернии. Записки студенческого кружка краеведения при Иркутском государственном университете, 1926 г., № 3, стр. 29—38.
2. Предварительное сообщение об археологических разведках в окрестностях с. Кабанской. Бурятоведческий сборник. Издание Бурят-Монгольской секции Восточно-Сибирского отделения Русского Географического общества, 1927, № 3.
3. Неолитический могильник в местности Хапчагай (Верхняя Лена). Известия Восточно-Сибирского отделения Русского Географического общества, 1928 г., т. 58, стр. 125—134.
4. Предисловие к работе Г. В. Ксенофонтова «Культ сумасшествия в Урало-алтайском шаманстве», Иркутск, 1928 г.
5. Следы древних культур на севере Селенгинской Даурии. Советская Азия, 1928 г., № 1.
6. Два документа о поисках ревеня в Якутии. Очерки по изучению Якутского края. Издание Якутской секции Восточно-Сибирского отделения Русского Географического общества, 1928 г., № 1, в. 1.
7. Образовательное значение пролетарского туризма (археологические экскурсии). Сборник Пролетарский туризм в Прибайкалье, 1928 г., № 1.
8. За методологию диалектического материализма в археологии. Проблемы истории докапиталистического общества, 1934 г., 3—4 стр., 66—70.
9. Изучение древней истории в Восточно-Сибирском крае. Советское краеведение, 1935, стр. 76—78.
10. Археологические исследования на Амуре (Тезисы доклада). Издание музея антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград, 1935 г., стр. 1—5.
11. Каменные рыбы. К изучению неолитического искусства в Восточной Сибири. Советская археология Издание АН, 1936 г., № I, стр. 215—245.
12. К археологическим исследованиям в 1935 г на Амуре. Советская археология, 1936 г., I стр. 275—277.
13. Археологические исследования на Ангаре в 1936 г. Советская археология, 1937 г., IV, стр. 319—322.
14. Очерки по истории западных бурято-монголов (XVII—XVIII вв.). Издание Государственной Академии материальной культуры Соцэкгиз, 1937 г., стр. 425.

15. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. Вестник Древней истории, 1938, 1/2, стр. 244—260.
16. Находка неандертальца в Узбекистане. Вестник Древней истории, 1939 г., 1/6, стр. 256—257.
17. Мустьерская стоянка в гроте Тешик-Таш. Краткие сообщения Института истории материальной культуры (далее ИИМК), 1939 г.), II, стр. 8.
18. Удачный опыт «Известия Иркутского научного музея», т. 11/VII. Вестник Древней истории, 1939, № 2.
19. Исследование палеолитической пещеры Тешик-Таш. Труды Узбекского филиала АН СССР, история и археология, 1939, стр. 146.
20. Неолитические находки в низовьях р. Ангары. К итогам работ 1937 г. Вестник Древней истории, 1939, 4, стр. 181—186.
21. Первобытный человек Узбекистана. Наука и жизнь, изд. АН СССР, 1, стр. 25—27.
22. Новое погребение главковской стадии у с. Бурети (раскопки 1939 г.). Краткие сообщения ИИМК, 1940, VII, стр. 90—93.
23. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья. Краткие сообщения ИИМК, 1940 г., 10, стр. 59—62.
24. К вопросу о происхождении и месте лука в истории культуры. Краткие сообщения ИИМК, 1940, V, стр. 17—22.
25. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии (предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-Таш). Советская археология, 1940, VI, стр. 319—323.
26. Амир-Темир, Новый памятник каменного века в горах Узбекистана. Краткие сообщения ИИМК, 1940, VI, стр. 67—69.
27. Буреть, новая палеолитическая стоянка на Ангаре. Советская археология, 1940, V, стр. 290—293.
28. Палеолитические находки в Бурети (1936—1937 гг). Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. Итоги 2 пленума Комиссии ископаемого человека, Советская секция, стр. 119—121.
29. Неолитические находки в низовьях р. Ангары. Бюллетень. Комиссии по изучению ископаемого человека. Советская секция, 1940, 6—7, стр. 124—125.
30. Погребение бронзового века в Ангарской тайге. Краткие сообщения ИИМК, 1940, VIII, стр. 106—112.
31. Неолитические памятники, как источники по этнологии Сибири и Дальнего Востока. Краткие сообщения ИИМК, 1940, IX, стр. 4—5.
32. Археология и основные вопросы древней истории Якутии. Краткие сообщения ИИМК, 1941, V, стр. 63—79.
33. Г. А. Бонч-Осмоловский, Грот Киик-Коба (рецензия). Краткие сообщения ИИМК, 1940, IX.
34. Дальний Восток в период Бохайского, Киданьского и Цзиньского государства. История СССР (макет), 1940, I, стр. 498—569. Составлено совместно с А. М. Золотаревым.
35. Неолит Сибири и Дальнего Востока. История СССР. Издание ИИМК, АН СССР, т. I (макет), 1940.
36. Север Сибири в первом тысячелетии н. э. Там же, 1940, стр. 509—526.
37. Неандертальский человек и следы его культуры. Азия, 1940, Нью-Йорк (на английском языке).

38. То же, II, Там же, 1940.

39. Палеолитическая статуэтка из Бурети (раскопки 1936 г.), Палеолит и неолит СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, 1941, в. 2, стр. 104—109.

40. К вопросу о назначении неолитических каменных рыб из Сибири. Там же, 1941, в. 2, стр. 193—202.

41. Новое в истории Якутии по материалам Ленской археологической экспедиции. Социалистическая Якутия, № 31, 1941, № 31.

42. Палеолитические жилища в Бурети (по раскопкам 1936—1940 гг.). Краткие сообщения ИИМК, 1941 г., в. X.

43. К изучению древней истории Якутской АССР, журнал «Социалистическое строительство», Якутск, 1941, в. 6.

44. Итоги работ первой Ленской экспедиции по изучению древней истории Якутской АССР. Там же, 1941, в. 6.

45. О возникновении письменности в Якутии (по материалам наскальных изображений Лены). Древняя письменность якутов. Материалы научной конференции Якутского педагогического института, 1942, I, стр. 3—25.

46. Исторический путь народов Якутии. Журнал «По Ленинскому пути». Якутск, 1942, № 6. Совместно с И. С. Боло и Г. П. Башариным.

47. Исторический путь народов Якутии. Як. ГИЗ, 1943.

48. Археологические исследования на Нижней Лене в 1942 г. Исторический журнал. Москва, 1943, 7, стр. 103—104.

49. Древняя история народов Якутии. Исторический журнал, 1943, 10, стр. 51—59.

50. Происхождение и древняя культура якутского народа в свете новых данных, I. Южные предки якутов. Журнал «По Ленинскому пути». Якутск, 1944, № 7—8, стр. 68—73.

51. То же, на якутском языке. Ленин суолунон, № 9, 1944, стр. 45—55.

52. Происхождение и древняя культура предков якутов в свете новых данных. II. Якуты на Средней Лене перед приходом русских и значение присоединения Якутии к русскому государству. Журнал «По Ленинскому пути», Якутск, 1944, № 9, стр. 40—49.

53. Археологические раскопки в Соттинцах. Социалистическая Якутия, 1944, июнь.

54. Пять лет археологических исследований на Лене. Социалистическая Якутия, 1945, 6/II.

55. Ленские древности. Выпуск первый. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Лены на участке Якутск—Жиганск в 1942—1943 гг. Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (далее НИИЯЛИ) ЯА ССР и ИИМК АН СССР, Як. ГИЗ, п. л. 1945 г.

56. Археологические исследования в г. Якутске, 1945.

57. Саха Сириин былыргыта (Далекое прошлое Якутии). Як ГИЗ НИИЯЛИ, ЯА ССР, 1945, стр. 1—143. На якутском языке.

58. Археологические памятники и древние культуры на Нижней Лене. К итогам 3-го года полевых исследований историко-археологической экспедиции. Ученые записки Якутского педагогического института, 1951, I, стр. 3—20.

59. Древнерусские полярные мореходы у берегов Таймыра. Юбилейная сессия Арктического института Главсевморпути. Доклады, 1945. стр. 1—9.

60. Следы каменного века в районе Термеза Труды АН Узбекской ССР. Термезская археологическая экспедиция. Серия 1. История и археология. Ташкент, 1945, 1.
61. К археологическому изучению Советской Арктики. Проблемы Арктики. Издание Арктического института, 1945, 2.
62. Арктические находки на северном острове Фаддея. Проблемы Арктики, 1945, № 5—6, л. 1947.
63. Первая палеолитическая находка на Лене. Краткие сообщения ИИМК, 1946, XIV, стр. 7—9.
64. Археологические исследования 1940—1943 гг. в долине р. Лены и древняя история северных племен. Краткие сообщения ИИМК, 1946, XII, стр. 99—107.
65. Ленские древности. Выпуск II. Отчет об археологических исследованиях на нижней Лене из Жиганска до Кумасурта в 1942—43 гг. Издание НИИЯЛИ ЯАССР и ИИМК АН СССР, 1946.
66. Новая скифская находка на Верхней Лене. Советская археология, 1946, VIII, стр. 285—288.
67. Из области древней культуры якутов. Советская этнография, 1946, 3, стр. 113—122.
68. Этнографические и археологические исследования на Нижней Лене. Советская этнография, 1946, 3.
69. К вопросу о древнейшем населении японских островов и его культуре. Советская этнография, 1946, 4, стр. 11—33.
70. Археологические работы на Нижней Лене 1946, № 3.
71. Археологические исследования на р. Лене в 1944 г. Краткие сообщения ИИМК, 1947, XV, стр. 98—101.
72. Уникальное каменное тесло с р. Колыма Краткие сообщения ИИМК, 1947, XV, стр. 137—138.
73. Писаницы около поселка Свирского на Ангаре. Краткие сообщения ИИМК, 1947, XIV, стр. 22—25.
74. Древняя культура Северо-Восточной Азии по данным археологических исследований, 1946, в Колымском крае. Вестник Древней истории, 1947 г., № 1.
75. Социальный строй предков якутов. Советская этнография, 1947, № 2, стр. 95—121.
76. Древние поселения в долине р. Хатанги. Краткие сообщения ИИМК, 1947, XVIII, стр. 38—45.
77. Краткие сообщения института этнографии АН СССР, 1. I—III рецензия в Известиях АН по отделениям истории и философии, 1947, т. 4, в. 6, стр. 567—572.
78. Древняя тюркская культура в верховьях реки Лены. Краткие сообщения ИИМК, 1948, XIX.
79. Колымская экспедиция. Краткие сообщения, ИИМК, 1948, 21.
80. Происхождение якутской народности. Второй Всесоюзный географический съезд. Тезисы докладов.
81. Тезисы диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук «Очерки по истории Якутии от палеолита до присоединения к русскому государству. Издание Ленинградского государственного университета, 1948 г.
82. Палеолитические находки на р. Лене. Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1948, № 12, стр. 97—100.
83. К изучению неолита Восточного Приуралья и Западной Сибири. Первое Уральское археологическое совещание при Московском университете 20—25 апреля 1947 г. Авторефераты, тезисы док-

ладов и общие постановления по вопросам археологических исследований на Урале, Молотов, 1948, стр. 12—20.

84. Находка обработанного человеком дерева на древней террасе р. Сууман (бассейн Колымы). Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, 1948, № 13, стр. 83—88. Совместно с А. П. Васьковским.

85. Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра. ГУСМП, 1948, стр. 1—57, 1958, стр. 1—157. С приложением статьи Б. О. Долгих «Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII в.»

86. К истории этнографического изучения Якутии. Описания быта и нравов народов в Якутии, сочинение в г. Якутске в 1768—79 гг. и 1785 г. Сборник материалов по этнографии якутов, Якутск, 1948, стр. 17—48.

87. О первоначальном заселении человеком долины р. Лены. (Общий обзор палеолитических памятников). Краткие сообщения ИИМК, 1948, XVIII, стр. 3—12.

88. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири. Советская археология, X, 1948, стр. 203—227.

89. Исторические рассказы и легенды Нижней Лены. Сборник Музея Антропология и Этнография, 1949, т. XI стр. 74—109.

90. Пенда — забытый русский землепроходец XVII века. Летопись Севера. Издание ГУСМП, 1949, т. I, стр. 94—102.

91. Исследование мусьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия) См. Тешик-Таш. Палеолитический человек. Труды научно-исследовательского института Антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова, 1949, стр. 1—85.

92. Из истории общественных отношений у якутов в XVII веке (Легенды о Тыгыне и историческая действительность). Советская этнография, 1949, № 2, стр. 98—118.

93. Мастерская каменного века на острове. Каменном-Кежемском. Ученые записки ЛГУ, серия Исторических наук, вып. 13, 1949, стр. 46—53.

94. А. Н. Радишев и археология Сибири. Известия АН СССР. Отдел истории и философии, т. IV, № 5, 1949, стр. 451—453.

95. Изучение древнейших памятников Туркмении. Краткие сообщения ИИМК, 1949, XXVIII, стр. 67—72.

96. Древнейшие наскальные изображения Северной Азии. Советская Археология. 1949, XI, стр. 155—170.

97. Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР. Краткие сообщения ИИМК, 1949, т. XXVI, стр. 7—11.

98. Происхождение якутской народности. Труды 2-го Всесоюзного Географического съезда, 1949, т. III, стр. 365—371.

99. История Якутии (под ред. С. В. Бахрушина), том первый. Якутия до прихода русских. Якутск, 1949.

100. Очерки по истории Якутии — от палеолита до присоединения к русскому государству (тезисы докторской диссертации, защищенной в Ученом Совете исторического факультета Ленинградского университета, в мае 1947). Краткие сообщения, ИИМК, в. XXIX, 1949, стр. 116—118.

101. Выдающийся патристический труд по древней истории и археологии Средней Азии. С. Н. Толстов. Древний Хорезм. МГУ, М., 1958. Советская этнография, № 4, 1949, стр. 209—213.

102. Н. Я. Марр и Советская археология Доклад А. П. Окладникова на пленуме института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии наук СССР, 18 апреля 1949 г. Издание Государственного Эрмитажа, 1950, стр. 1—75.

103. Основные вехи древней истории Якутии Вестник ЛГУ, № 7, 1949, стр. 76—92.

104. Древние каменные изделия с городища Новая Ниса (сбор 1946 года). Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. 1, Ашхабад, 1949, т. 1, стр. 326—331.

105. Первый неолитический памятник Чукотского полуострова. Краткие сообщения ИИМК, 1950, в. XXXI, стр. 196—198.

106. Освоение палеолитическим человеком Сибири. Материалы комиссии по изучению четвертичного периода. 1950, М.-Л., в. 2, стр. 150—158.

107. К изучению начальных этапов формирования народов Сибири (население Прибайкалья в неолите и раннем бронзовом веке) Советская этнография, 1950, № 2, стр. 36—52.

108. Ленские древности. Выпуск 3-й. Отчет об археологических исследованиях в районах с. Покровского и города Якутска в 1940—1946 гг. 1950, М.-Л., стр. 195+42+2 табл.

109. Рецензия. Сборники музея Антропологии и Этнографии Академии наук СССР, X, XI, XII. Советская этнография, 1950, № 2, стр. 230—235.

110. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея. Советская археология, XIII, 1950, стр. 139—172.

111. О раскопках в долине р. Селенги летом 1947 года. Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры, 1950, X, стр. 61—94.

112. Культ медведя у неолитических племен Сибири. Советская археология, XIV, 1950, стр. 7—19.

113. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Часть I и II. Материалы и исследования по археологии СССР, 1950, № 18, стр. 441.

114. Успехи Советской археологии. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Ленинграде в 1950 г.

115. Археологические исследования в низовьях р. Селенги (предварительное сообщение о раскопках, произведенных в 1948 г.) Краткие сообщения ИИМК, в. XXXV, 1950, стр. 85—90.

116. Вклад Советской археологии в изучение прошлого северных народов. Ученые записки ЛГУ, № 115, факультет народов Севера, вып. 1. История и экономика Крайнего Севера СССР, Л. 1950, стр. 22—37.

117. Конь и знамя на ленских писаницах. Тюркологический сборник, I, 1951, стр. 143—154.

118. Итоги работ Бурят-Монгольской экспедиции за 1947—1950 гг. Тезисы докладов на сессии отделения истории и философии и пленуме Института материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг., М, 1951.

119. Каменные орудия с острова Фаддея («Арктический палеолит» у берегов Таймыра) Краткие сообщения ИИМК, XXXIX, 1951, стр. 76—80.

120. Рецензия: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. Советская этнография, 1951, № 2, стр. 239—245.

121. Происхождение якутского народа. Известия Всесоюзного

Географического общества, 1951, № 4, стр. 341—352.

122. Раскопки на Севере. Сборник «По следам древних культур». Госкультпросветиздат, 1951, № 4, стр. 13—46.

123. История Бурят-Монгольской АССР, т. I, Улан-Удэ (редактирование), 1951.

124. Глава «Краткий очерк изучения истории Бурят-Монголии в прошлом и в настоящем. «История Бурят-Монголии АССР» том 1, 1951, стр. 9—23.

125. Эпоха первобытнообщинного строя на территории Бурят-Монголии. История Бурят-Монгольской АССР, том. I, 1951, стр. 24—45.

126. Археологические исследования в Бурят-Монголии. Известия отделения истории и философии АН СССР, 1951.

127. Древние поселения в пади Большой Дурал на Амуре (предварительное сообщение). Советская археология, XV, 1951, стр. 299—301.

128. Новые данные до древнейшей истории Внутренней Монголии. Вестник Древней истории, № 4, 1951, стр. 162—174.

129. Прошлое северных народов в освещении советской археологии. Доклады на второй научной сессии Якутского филиала АН СССР, 1, История и философия. Якутск, 1951, стр. 3—17.

130. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. Сборник. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. Издание Главсевморпути, М.-Л., 1951, стр. 7—40.

131. Бронзовое зеркало, там же, стр. 160—165.

132. Значение находок у восточного побережья Таймыра (совместно с Д. М. Пинхенсоном). Там же, стр. 205—211.

133. К вопросу о происхождении искусства. Советская этнография, 1952, № 2, стр. 3—32.

134. Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947—1950 гг. Краткие сообщения ИИМК, IV, 1952, стр. 40—47.

135. О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры. Советская этнография, 1952, № 3, стр. 159—180.

136. Новые неолитические находки на Ангаре в районе деревни Кежмы. Советская археология, XVI, 1952, стр. 320—326.

137. Начальные этапы формирования народов Сибири. Советская наука Берлин, на немецком языке. 1951, 3, стр. 442—461.

138. Археология в изучении древней истории Забайкалья. Состояние по основным вопросам истории Бурят-Монголии при Институте истории АН СССР, 27 октября 1952. Тезисы докладов, Улан-Удэ, 1952, стр. 21—22.

139. О датировке забайкальских писаниц (в связи с работами Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры «Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры», XVI, Улан-Удэ, 1952, стр. 57—62.

140. Древние культурные связи между арктическими племенами Азии и Европы (по материалам памятников бронзового века). Ученые записки ЛГУ, № 157, серия факультета народов Севера, вып. 2, стр. 151—166.

141. Наука и художественная литература. На рубеже (Петрозаводск), 1953, № 5, стр. 70—74.

142. Изучение памятников каменного века в Туркмении (по

данным работ IX отряда ЮТАКЭ в 1952 г. (Известия Академии наук Туркменской ССР, 1953 г., № 2, стр. 29—32.

143. Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом. Краткие сообщения ИИМК, 1953, № LXI, стр. 16—24.

144. О первоначальном заселении человеком внутренней части Чукотского полуострова. Известия Всесоюзного Географического общества, 1953, № 4, стр. 405—412.

145. Каменный век. БСЭ, 1953 г. Совместно с П. И. Борисовским.

146. Народы Дальнего Востока. Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. Часть 1 (IX—XIII вв).

147. Народы северо-восточной Сибири, там же стр. 751—759.

148. Народы Дальнего Востока в XIV—XV вв, там же, часть 2

149. О преодолении вульгаризаторских и псевдомарксистских концепций Н. Я. Марра в изучении ранних этапов развития первобытно-общинного строя. Против вульгаризации марксизма в археологии, стр. 70—93. Совместно с П. И. Борисовским.

150. Следы палеолита в долине р. Лены. Материалы и исследования по археологии СССР, 39, 1953, стр. 227—275.

151. Предисловие к материалам и исследованиям по археологии СССР, 39, 1954 г

152. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова (отчет о полевых исследованиях в 1947 г.) Труды ЮТАКЭ, т. II, 1953, стр. 73—104.

153. Археологические исследования на Дальнем Востоке. Тезисы на сессии отделения исторических наук и пленума ИИМК, посвященных итогам этнографических и археологических исследований 1953 г. 1954, стр. 26—28.

154. Работы Киргизской экспедиции, там же, стр. 39—42.

155. Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят. Советская этнография № 1, 1954, стр. 150—153.

156. Против вульгаризации в вопросе о происхождении и сущности первобытного искусства. Вопросы философии, № 2, 1954 г. стр. 232—243.

157. Работы Киргизской комплексной археологической и этнографической экспедиции в 1953 г., Советская этнография № 2. 1954 г., стр. 153—155.

158. Олений камень с р. Иволги. Советская археология, XIX, 1954, стр. 207—220.

159. Памятники древней культуры Приморья. Советское Приморье, № 17, 1954, стр. 300—306. Совместно с В. Е. Ларичевым.

160. Новые археологические открытия в Восточной Сибири и древней истории Якутии. Доклады на пятой и шестой научных сессиях истории и философии Якутского филиала АН СССР, 1954, стр. 7—15.

161. Археологические исследования в Киргизии. Вестник АН СССР, № 9, 1954 г.

162. Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня (пещера Ак-Чункур). Известия Всесоюзного Географического общества, том 86, в. 5, 1954, стр. 447—452. Совместно с В. И. Рацеком.

163. Эпоха первобытнообщинного строя на территории Бурят-Монголии. История БМАССР, гл. I, 1954, стр. 9—26.

164. Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в

свете новейших исследований. Советская археология, вып. XXI, 1954, стр. 5—29.

165. У истоков культуры народов Дальнего Востока. Сборник по следам древних культур, от Волги до Тихого океана. Госкультпросветиздат, 1954, стр. 225—260.

166. Новые данные о древних культурах на Чукотском полуострове (Древнее поселение на р. Капчалан). Советская этнография, 1955, № 1, стр. 151—158). Совместно с В. В. Нарышкиным.

167. Археологические работы на Дальнем Востоке в 1954 г. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленума Института истории материальной культуры, посвященная итогам археологических и этнографических исследований 1954 г.

168. Основные этапы истории палеолитического человека (к вопросу о периодизации палеолита), там же, 1955, стр. 29—35.

169. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, часть III, Глазковское время. Материалы и исследования по археологии СССР, № 43, 1955.

170. Первые известия об археологических памятниках Нижнего Амура. К 300-летию открытия Тырских памятников (1655—1955). Известия Всесоюзного Географического общества, № 4, 1955, стр. 336—344.

171. Новые сведения по археологии и истории Приуралья, (Записки Амурского областного музея краеведения и Общества краеведения, т. 2, Благовещенск. 1953, Советская археология, XXII, 1956, стр. 254—256).

172. Якутия до присоединения к Русскому государству История Якутской АССР, том I, изд. 2-е, 1955.

173. Археологические исследования в Киргизии. Труды Института истории АН Киргизской ССР, 1955, стр. 149—152.

174. От редакции: Материалы и исследования по археологии СССР, в. 1, № 45, 1955, стр. 5—7). А. Н. Рогачев, Александровское поселение древнекаменного века и с. Костенки на Дону).

175. Туркестан в эпоху первобытнообщинного строя. История Туркменской ССР, (макет), том 1, 1955, стр. 7—23.

176. Возникновение и развитие человеческого общества. Ранний древнекаменный век (нижний палеолит). Всемирная история, том 1 глава 1, 1956 г.

177. Укрепление и развитие родового строя. Поздний древнекаменный век (верхний палеолит), там же, глава II.

178. Период расцвета первобытнообщинного строя. Средний и новый каменный век (мезолит и неолит). там же, глава III, разделы 1, 2, 4.

179. Древнейшее прошлое Туркменистана (древние охотники и собиратели в степях и пустынях Туркменистана (Труды института истории археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР, том 1, 1956, стр. 181—221.

180. Археологические исследования в Приморье в 1953 году. Сообщения Дальневосточного филиала АН СССР, выпуска 8, 1955, стр. 3—13.

181. О времени и условиях становления человеческого общества. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г., М.-Л. 1956 стр. 11.

182. Археологические исследования в долине Ангары и на Дальнем Востоке в 1955 г., там же, стр. 46—48.

183. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г. Труды АН Таджикской ССР, т. XXXVII, 1956.

184. О некоторых археологических памятниках Приморья и их геологическом значении. Материалы по геологии и полезным ископаемым Восточной Сибири и Дальнего Востока. Материалы ВСЕГЕИ, новая серия, в 1, Геология и полезные ископаемые. Госгеолтехиздат, М, 1956, стр. 50—57, Совместно с Г. С. Гапешиним.

185. Фольклорные записки Г. Л. Линхобоева. Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры, XXI, 1956, стр. 117—120.

186. О времени и условиях становления человеческого общества. Вопросы истории, № 11, 1956, стр. 77—85. Совместно с П. И. Борисковским.

187. Пещера Джебел. Памятники истории культуры Прикаспийских племен Туркмении. Труды ЮТАКЭ, том VII, стр. 11—219 Ашхабад, 1956.

188. Приморье в первом тысячелетии до нашей эры (по материалам поселений с раковинными кучами). Советская археология, XXV, 1956, стр. 54—96.

189. Исследование памятников каменного века в бассейне р. Сыр-Дарьи осенью 1955 г. Труды Института истории археологии и этнографии АН Таджикской ССР, том LXIII, Археологические исследования в Таджикистане в 1955 г. Сталинабад, 1956, стр. 5—15.

190. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (К вопросу о происхождении самодийских племен). Советская археология, № 7, 1957, стр. 26—55.

191. Археологические исследования на Ангаре в зоне строительства Братской ГЭС. Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и на пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1956 г., М., 1957, стр. 46—49.

192. Древнее население Сибири и его культура. «Народы Сибири». В серии «Народы мира». Этнографические очерки. М.-Л. 1956, стр. 21—107.

193. 32 Международный конгресс американистов. Советская этнография 1, 1957, стр. 157—159 (совместно с И. А. Золотаревской).

194. Древние поселения в дельте р. Индигирки. Краткие сообщения ИЭ АН СССР, XXVII, 1957, стр. 42—51 (совместно с Н. С. Гурвичем).

195. Эпоха первобытного строя на территории Киргизии и соседних с ней районов. История Киргизии, том I, Фрунзе, 1956, стр. 7—41.

196. Племенные союзы на Тянь-Шане и Енисее. История Киргизии, гл. II, стр. 42—70, совместно с А. Н. Бернштамом.

197. Киргизия в эпоху сложения ранне-феодальных отношений в Средней Азии. История Киргизии, гл. III, стр. 71—147. Совместно с А. Н. Бернштамом.

198. Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у оз. Эльгытхын) совместно с И. А. Некрасовым. Советская археология, № 2, 1957, стр. 102—114.

199. Иосиф Вячеславович Арембовский. Совместно с

Л. Н. Иваньевым, М. М. Одинцовым и др. Бюллетень четвертичной комиссии.

200. А. Л. Монгайт. Археология в СССР. Издание АН СССР, 1955, (рецензия). Совместно с З. А. Абрамовой и Е. А. Векиловой. Советская археология № 3, 1957, стр. 289—292.

201. Остатки бохайской столицы у г. Дунцзинчен на р. Муданцзян. Советская археология № 3, 1957, стр. 198—214.

202. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. Издание 2-е исправленное и дополненное. Издательство «Морской транспорт»; М. 1957, стр. 120.

203. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет. Советская археология, № 4, 1957, стр. 12—27.

204. Древние культуры, культурные и этнические отношения на побережье Тихого океана Северной Азии. Труды 32. Конгресса американистов, Копенгаген, 1957, стр. 545—566 (на английском языке).

205. «Земля Бородатых». Труды отдела древней литературы Института русской литературы, XIV, 1958, стр. 516—524.

206. Путешествия в каменный век. Наука и жизнь 1958 г. № 4, стр. 35—40.

207. Первые неолитические находки на р. Оленек. Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, № 22, 1958, стр. 105—113. Совместно с А. П. Пуминовым.

208. Древнейшие культуры Приморья в свете исследований. 1953—1956 гг. Сборник статей по истории Дальнего Востока, стр. 5—80.

209. Новые данные по каменному веку Японии. Советская археология, № 3, 1958 г.

210. Рецензия. История Якутии, том II, журнал «История СССР», № 4, 1958.

211. Археологические работы в зоне строительства ангарской гидроэлектростанции (общие итоги). «Записки Иркутского областного краеведческого музея». Иркутск, 1958, стр. 17—28.

Сданы в печать монографии

1. Шишкинские писаницы. 15 печатных листов. Иркутск.

2. Наскальные изображения р. Лены. Выпуск 1 (описание и альбом). 15 печатных листов, Ленинград.

3. Далекое прошлое Дальнего Востока 20 печатных листов Владивосток.

В печати находятся также ряд статей и публикаций по древней истории Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и по палеолиту.

В списке работ не указаны небольшие газетные статьи, отдельные статьи в БСЭ, а также работы, не имеющие отношения к археологии и ранней истории.

О работах и научной деятельности А. П. Окладникова можно прочитать в БСЭ, в биографической справке со списком печатных работ «А. П. Окладников», Якутск, 1958, в очерке Г. Кублицкого «Находка на необитаемом острове» и «Череп неандертальца», в книге «По материкам и океанам», М. 1957, стр. 3—23 и стр. 291—304; в книге «Ленинград», издание БЭС, 1958.

Сдано в набор 7 октября 1958 г. Подписано к печати 11/IX-58 г.
Печ. л. 5¹/₂. Бумага 84×108. Зак. 3379. Тир. 1000. НЕ 07812.

Типография № 2 отдела полиграфиздата управления культуры
Иркутск К. Маркса, 47.

Цена 1 р. 20 к.